

The background of the cover is an abstract composition of thick, expressive brushstrokes in various shades of blue, from light sky blue to deep navy and almost black tones. The strokes are layered and overlapping, creating a sense of depth and movement. Some strokes are curved, resembling waves or spirals, while others are more linear and directional. The overall effect is dynamic and textured, suggesting a complex psychological or emotional journey.

ИРИНА АНДИЛЕВКО

ИСЦЕЛЕНИЕ

психологический роман

Ирина Г. Андилевко

Исцеление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73973287

с:

ISBN 978-5-386-15589-6

Аннотация

Исцелить себя может каждый, но не все отважатся ступить на этот путь, ведь цена высока – это честная встреча с самим собой. Роман «Исцеление» – правдивая история о трансформации, о том, как любовь и предательство, предназначение и амбиции, страхи и предубеждения становятся катализаторами глубинных изменений, а еще о том, что судьба всегда дает нам шанс.

Семейная жизнь Киры Дмитриевны, доктора психологических наук, неожиданно дает трещину. Переживая кризис после измены мужа, профессор берет на терапию своего талантливого, но травмированного студента Колина, который сквозь боль прошлого открывает в себе дар. Ее близкий друг Николая, известный художник, обретает новые смыслы, а его бывшая возлюбленная Мелисса, избавляясь от груза прошлого и меркантильных установок, неожиданно для себя находит любовь. Каждого из героев ждет испытание, которое станет толчком к росту. Каждому предстоит сделать выбор: остаться в плену травм или совершить «прыжок веры» и дать себе шанс на новую жизнь.

Смогут ли герои обрести духовную целостность и раскрыть свой потенциал? Простит ли Кира предательство, чтобы вернуть счастье? Удастся ли Колину и Мелиссе залечить глубокие раны и найти путь друг к другу? И правда ли, что истинная самореализация невозможна без мужества взглянуть в глаза собственным страхам?

Содержание

1	6
2	16
3	23
4	30
5	41
6	47
7	55
8	61
9	77
10	93
11	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ирина Андилевко

Исцеление

*Книга посвящается моему папе,
Полякову Григорию Павловичу, —
самому дорогому человеку на свете.*

*И той маленькой девочке, живущей во мне,
которая так отчаянно искала счастье снаружи, не
замечая, что оно всегда внутри.*

© Андилевко И. Г., 2026

© Издание, оформление. ООО Группа компаний «РИ-
ПОЛ классик», 2026

1

Если вы думаете, что в вашей жизни все плохо, то просто не были на моем месте. Именно так я начну свою лекцию, хотя уверена, что некоторые меня раскритикуют, ведь встречаются гораздо более сложные случаи. Однако, думаю, не среди лучших студентов со всего мира, перед которыми мне выпала честь выступить сегодня. – Профессор посмотрела на битком заполненный конференц-зал Кембриджского университета и улыбнулась.

Доктор психологических наук, профессор Кира Дмитриевна была среднего роста, с большими карими глазами, обрамленными мелкими морщинками, и открытой улыбкой. Ее вряд ли можно было назвать красавицей в классическом понимании этого слова, но было в ее внешности нечто, что притягивало взор и не оставляло равнодушным. В свои шестьдесят с лишним лет она была моложавой и любила элегантно одеваться – каждый элемент ее гардероба добавлял необходимый штрих, создавая единый утонченный образ. Единственное, что выдавало ее возраст, – длинные седые волосы, которые она обычно носила распущенными или убирала в высокий пучок, оставляя несколько прядей у лица.

– Начав писать свою первую книгу, – продолжила профессор, – я сильно сомневалась, что это кому-нибудь нужно. Но, снова и снова вспоминая весь пройденный путь, убеждалась,

что эта книга важна не столько для меня, сколько для других, потому что она – маячок, ориентир для тех, кому так же тяжело в жизни. Ее главный посыл – «*Все можно изменить, стоит только захотеть*». Ну, а девиз сегодняшней лекции – «Долой прекрасных лебедей и гадких утят!». Почему так? Потому что я всегда считала себя гадким утенком и только после тридцати осознала, что нет никаких гадких утят и прекрасных лебедей – есть те, кем мы себя считаем, и это никак не связано с внешними данными. Не обладая эффектной внешностью и дрожа, как осиновый лист на ветру, всякий раз, когда ко мне обращались, могла ли я надеяться на успех в жизни? А главное – хотела ли? Нет! Моим страстным желанием было одно: оставаться незаметной, слиться со средой, и так дожить свой век.

Студенты замерли, не смея шелохнуться, и безотрывно смотрели на профессора.

– «В семье не без уроды», – как-то услышала я и приняла эти слова всерьез. «Почему?» – спросите вы. Все просто: полноватая, кривые зубы, круглое лицо, редкие светлые волосы – неприметная серая мышка... Продолжать?

Вопрос был риторическим, но студенты – все как один – закивали, замороженно ловя каждое слово именитого профессора. В первом ряду хрупкая, как фарфоровая кукла, студентка с идеальным маникюром нервно сжала ручку. Кира знала этот жест – так цепляются за якорь, когда слышат слишком личное – о том, где болит.

– Вы и представить себе не можете, как я ненавидела свое круглое лицо. Всякий раз, выходя на улицу в непогоду, я шла, вжимая голову поглубже в плечи, а руками удерживала пряди волос у лица: нечего прохожим глазеть на мой «шарик» – так я называла свое лицо про себя.

Один из сидящих во втором ряду сдержанно хихикнул. Соседка тут же толкнула его локтем, уголки ее губ предательски дрожали. Два студента с задних парт переглянулись – один даже прикрыл рот рукой.

Профессор как ни в чем не бывало продолжила:

– Шапку я принципиально не носила: она предательски прилизывала и без того редкие три волосинки, а когда я ее снимала, наэлектризованные волосы выглядели словно антенны – жалкое зрелище! – Профессор брезгливо фыркнула.

Тут молодой человек со второго ряда рассмеялся в голос, представляя эти самые антенны, за что получил шуточный подзатыльник от соседки.

– Как говорил о нашей семье мой папа, «мы люди честные и гордые». Из этого высказывания я вынесла свое первое убеждение: «Лучше быть бедным, но гордым и сохранить свою честь». Поэтому, начиная с шести лет, я познала все тяготы довольно-таки бедного существования. Но признаться самой себе и уж тем более подружкам в бедности для меня было равносильно смерти – невыносимо стыдно. Тогда я научилась держать все в себе и ничем не выдавать свои эмоции. Я была убеждена, что быть бедным стыдно; расска-

зывать кому-то о своих горестях – хуже смерти; все нужно держать в себе.

Помню как моя мама крутилась на кухне с утра до ночи, готовя что-то из «ничего»: пирожки с капустой, картошкой, постные коврижки... Стандартным завтраком перед школой был батон с вареньем, а в первые несколько дней после папиной зарплаты к ним добавлялось масло – это был маленький праздник живота. Любимым днем недели было воскресенье, когда мы по семейной традиции лепили, а затем ели пельмени. Сочная мясная начинка, жирная сметана – рай для детей и взрослых постсоветского периода! В такие дни я всегда наедалась впрок... Это, конечно, невозможно, но я так сильно любила пельмени, что ела, пока живот не начинал болеть, и даже тогда внутренний голос шептал: «Может, еще немного? Хоть одну штучку!» Но больше просто не лезло... Сейчас я могу позволить себе любую дорогую еду: устрицы, фуа-гра, трюфели, – но ничто не пахнет так, как те воскресные пельмени: безопасностью и сытостью. Наверное, тогда и появился мой внутренний «монстрик» – вечно голодная часть, которая хочет есть, даже когда я сыта. Борьба с лишними килограммами стала для меня проблемой, которая окончательно разрешилась лишь к сорока годам.

* * *

Моя любовь к учебе проявилась еще в начальной школе:

я не была отличницей и грустила от того, что мой почерк никогда не ставили в пример другим, но обожала читать и мечтать. Читая, я попадала в миры, где могла быть кем угодно, только не собой, и мечтала, что однажды придумаю такой мир сама... Средняя школа далась эмоционально тяжелее: много новых учителей, ощущение брошенности и растерянности, все больший стыд от нашей бедности. В то время, как подружки из более обеспеченных семей меняли наряды каждый день, у меня было две кофточки, джинсы и юбка. Надо ли говорить, что качество этих вещей оставляло желать лучшего? Их приходилось штопать, а кофточки так быстро покрывались катышками, что после пары стирок носить их было неприлично. Но выбора не было...

Студентка с идеальным маникюром – та самая, что сжимала ручку, – вдруг провела большим пальцем по манжете своего дорогого свитера, будто проверяя, нет ли там катышков. Ее соседка невольно отодвинула в сторону сумку с логотипом *Louis Vuitton*.

– Это сейчас мы все знаем, что выбор есть всегда. Вы помните об этом? – Профессор посмотрела на студентов, и они начали кивать. – А тогда маленькой девочке казалось, что выбора не существует – полная безнадега.

Студент на заднем ряду так тяжело и громко вздохнул, что вся аудитория повернулась к нему.

– Все в порядке? – Получив одобрителный кивок, она продолжила: – Уроки, которые я искренне любила, – русский

язык и литература. Это была моя стихия: я лучше всех писала сочинения! Созданные в моем воображении миры и то, как я их преподносила, завораживали и держали внимание одноклассников до последнего сказанного мной слова. Но потом что-то во мне сломалось, и я стала заикаться каждый раз, когда выходила к доске...

Представьте себе девочку, стоящую перед аудиторией и отчаянно пытающуюся выдать хоть слово из выученного наизусть стихотворения. «Давай, Кира, давай, ты можешь! Ты сотню раз репетировала дома и рассказывала без сучка и задоринки. Давай!» – подбадривала себя я. «З-з-заря, з-з-зарница, з-з-зорюшка или з-з-зорька...» Хохот одноклассников отрезвляет лучше ледяного душа. Кто-то открыто смеется в лицо, наплевав на твои чувства. Кто-то тихонько прыскает от смеха в кулак. Кто-то поворачивается к соседу сзади, тихонько перешептывается с ним и ехидно улыбается. И только твои верные подружки молчат. Они не смеются, нет – стыдливо отводят глаза. Порой швыряют в мальчишек скомканные листы бумаги и шипят: «Заткнись, придурок!» Но тебе от этого не легче. Дикая боль пронизывает все твоё естество. Стыд жжет изнутри и окрашивает щеки в алый цвет. Пот течет градом. Ты силишься дальше рассказать стих, но замолкаешь на середине и невнятно мямлишь: «Я еще доучу и отвечу позднее». И повержено, еле переставляя ноги, плетешься за свою парту, чтобы рухнуть на стул и сделать вид, что все в порядке. Руками хватаешься за учебник и сжима-

ешь его до побеления костяшек. Губы трясутся, хочется зарыдать, но ты не переживешь еще большего позора и, собрав силы в кулак, стискиваешь зубы – только желваки ходят по щекам...

Девушка с розовыми волосами и чрезмерно раздутыми гиалуронкой губами, сидящая во втором ряду, произвольно согнулась, будто физически ощущая этот стыд. Парень рядом с ней бессознательно сжал кулаки – его пальцы повторили тот самый жест, который только что описала Кира. А в углу зала тоненькая блондинка с огромными глазами вдруг вытащила блокнот и что-то яростно зарисовала – может быть, себя в похожей ситуации.

– Ты хочешь бежать без оглядки, рыдать и молить Господа о пощаде, об избавлении от этих мук. Лучше умереть, чем чувствовать весь этот стыд, агонию и пустоту... На перемене ты делаешь вид, что ничего не произошло, и даже пытаешься шутить... И только придя домой, спрятавшись в своей комнате и надев наушники с любимой музыкой на полную мощность, можешь позволить себе заплакать: тихо, беззвучно, чтобы мама не услышала и не начала выпытывать, что случилось. Я мечтала стать невидимкой, как в сказке: когда можно надеть мантию и спастись от назойливых глаз, бежать от всех, скрыться и никогда не возвращаться туда, где больно.

Студенты не смели дышать, буквально впитывая каждое слово знаменитого профессора, которая участвовала в са-

мых крупных конференциях мира по психологии и ежегодно давала сотню мастер-классов для широкой аудитории.

Голос Киры стал тише, будто слова застряли в горле. Она на секунду прикрыла глаза, прежде чем продолжить.

– Я много думала о том, что когда-нибудь накажу всех своих обидчиков, а еще докажу всем, что чего-то стою. Иногда я мечтала пойти на карате, чтобы мастерски разделаться с теми, кто надо мной смеялся, – эдакая супердевушка в белом кимоно с черным поясом. Иногда плакала и мечтала о любви: не юношеской, а человеческой – о доброте, принятии, хотя и не знала тогда этого слова, но чувствовала, что даже меня – заикающуюся, робкую девочку – можно любить. Иногда я страстно желала умереть, чтобы не соприкоснуться с этим позором, чтобы у меня так сильно не жгло в груди... Иногда мне казалось, что это лишь сон и стоит очнуться, как все пройдет. Снова и снова я просыпалась в надежде на чудесное исцеление, но... сказки в жизни не бывает, если только мы сами себе ее не создадим. Каждую ночь перед сном, лежа в кровати, я смотрела на яркую звезду на небе и представляла, что она моя фея-крестная и стоит только попросить ее о самом сокровенном, как она непременно исполнит мое желание.

Девушка с первой парты тяжело вздохнула.

– Меня терзал вопрос: «Почему это все со мной происходит?» Я жалела себя, была готова биться головой о стену, лишь бы не чувствовать агонию загнанного зверя, которая

стала моим постоянным спутником. Сотни раз я представляла, как выйду к доске и свободно выскажу свое мнение. Но каждый раз, когда наступал мой черед, внутри, не оставляя ни единого шанса на ответ, поднималась волна непреодолимого страха и я снова говорила учителю, что отвечу позднее, не в силах справиться с внутренним волнением.

На последних словах голос профессора стал тише – она словно перенеслась в те мгновения внутренней пытки снова. После непродолжительной паузы она продолжила:

– С тех пор я старалась быть максимально незаметной: даже не серой мышкой в дешевой одежде, а неприметной мебелью, которая сливается с фоном. Я жила в постоянном напряжении, выдыхала, только когда приходила домой и погружалась в мир музыки. «Бегство!» – скажете вы и будете правы! Тогда я уверовала, что мир жесток и несправедлив, что в нем выживает сильнейший. И уже тогда я приняла внутреннее решение «мочить врагов» первой, чтобы не успели сделать больно мне. Я максимально отстранилась и закрылась от людей, я относилась ко всем настороженно, то и дело ожидая подвоха. Сарказм стал моим вторым именем.

Она обвела взглядом зал, видя на лицах отражение своей давней боли.

– И знаете, я не уникальна – эти механизмы знакомы многим. Давайте же теперь разберем, как формируются внутренние страхи и убеждения, – обратилась Кира к студентам, – какие блоки, страхи, убеждения вы нашли в моем рассказе?

Почти все студенты подняли руки, желая ответить. Профессор подошла к доске, записала ключевые слова и продолжила лекцию, завершившуюся бурными аплодисментами.

Кира Дмитриевна тепло попрощалась со студентами и стала собирать вещи. Она аккуратно сложила конспекты, бережно касаясь страниц, на которых были записаны те самые слова, что когда-то не могли прорваться сквозь заикание.

2

Уже за дверь аудитории ее догнал тот самый вздыхавший студент с заднего ряда.

– Профессор, профессор! – окликнул он. – Это правда, что вы уходите на... – Студент запнулся. – На пенсию?

– Ну, «на пенсию» – это громко сказано! – засмеялась Кира. – Я беру бессрочный отпуск: хочу отвлечься от преподавания и закончить свою книгу. Издатель ждет и уже организовал турне для ее презентации.

– А как же мы? Вы же знаете, ваши лекции – это то, ради чего я и многие другие поступали в этот университет.

– Да, знаю и очень это ценю. Но я делаю то, что чувствую правильным в настоящий момент. Сейчас мне нужна пауза. – И она быстрым шагом направилась к выходу.

– Профессор, постойте! Позвольте с вами поговорить!

– Я слушаю вас, Колин. Так вас, кажется, зовут?

Студент удивленно кивнул и продолжил:

– Не тут. Точнее, можно и тут... Мне нужно десять минут вашего драгоценного времени.

На долю секунды Кира опешила: давно ее вот так «в лоб» не останавливали студенты, прося уделить время личной беседе. Каждый час в ее плотном графике был расписан так, как ей удобно, и при этом максимально продуктивно. Свободного времени просто не было. Но в том его вздохе на лек-

ции, во взгляде сейчас она разглядела нечто особенное, и ее профессиональное чутье подсказывало: за этим стоит что-то важное, и ей стоит обратить на него внимание. Интуиция никогда не подводила Киру.

– Прямо сейчас меня ждут на кафедре и времени нет ни минуты. Но мне интересно, о чем пойдет речь. И я люблю настойчивых студентов – сама такой была. – Профессор улыбнулась своей улыбкой, которую иногда сравнивали с улыбкой Моны Лизы. – Тем более я помню ваше выступление на семинаре: вы активно защищали бихевиористов. Предупреждая ваш вопрос, скажу: тогда я и запомнила ваше имя.

Колин посмотрел на профессора с благоговением: Кира Дмитриевна была живой легендой, лучшие студенты из всех вузов мира стремились попасть на ее прощальные лекции, а она запомнила его имя!

Профессор продолжила:

– Я освобожусь через двадцать минут. У меня будет час перед следующей встречей, и я хочу прогуляться по парку. Если хотите, присоединяйтесь. Расскажите, что там у вас.

– Ура! Я только предупрежу преподавателя, что не приду на следующую пару, и догоню вас на улице.

Кира посмотрела ему вслед и усмехнулась, вспоминая себя в золотую пору студенчества.

Закончив с делами на кафедре, она медленно шла по улице, вдыхая аромат ранней осени. Сухие листья хрустели под ногами, как сотни исписанных после психологических

процессов страниц, которые она без сожаления сжигала, не оставляя и следа о былой боли.

«Прислушайтесь к осени: она пахнет лопнувшими каштанами, сухой листвой и легкой грустью по ушедшему лету. А еще это запах приближающихся холодов и одновременно ожидание чуда».

Голос Колина прервал поток ее размышлений:

– Профессор, вот вы где! Еще раз благодарю, что позволили с вами поговорить.

Кира кивнула.

– Ну, я слушаю. Представить себе не могу, что заставило вас пойти со мной на прогулку.

– Я прошу вас помочь мне как психолог, как наставник, как человек, который меня вдохновляет.

– Ух ты! Вот это неожиданно! – удивилась профессор. Я не раз говорила, что уже много лет не беру никого в терапию.

– Знаю, да и цена будет для меня высока.

– Тогда чего же вы хотите? – спросила профессор.

– Понимаете, слушая вас во время лекции, я буквально видел в описываемых вами событиях себя: бедная семья, поношенная одежда, чувство собственной ничтожности и бессилия... А еще – решимость во что бы то ни стало добиться успеха.

Речь Колина была быстрой, порывистой. Он много жестикулировал и, казалось, старался поскорее выпалить все, что наболело.

– Ведь я мог запросто скатиться в пропасть, как многие мои приятели: от безысходности и незнания, как жить иначе, они пустились во все тяжкие, и сейчас одни сидят в тюрьме за хулиганство или разбой, другие спиваются... В общем, печальное зрелище. Я же выбрал учиться: днями и ночами читал, зубрил, чтобы поступить, и вот я здесь. – Колин обреченно развел руки в стороны. – Но самое страшное в том, что, даже учась в одном из лучших университетов мира, я не чувствую себя счастливым. Не чувствую, что помог себе. И я запутался... – Он на секунду замолчал, нервно сглатывая ком в горле, а потом с новым энтузиазмом продолжил: – Поэтому я прошу вас помочь. Я знаю, что вы ни с кем не работаете лично, но позвольте мне беседовать с вами. Возможно, это поможет мне понять, чего я хочу на самом деле.

Кира просканировала Колина глазами. Он буквально почувствовал, что она видит его насквозь. Это не было неприятно, но немного странно и... тепло.

– О, это бесспорно поможет. Только я не работаю лично уже давно, а весь свой опыт открыто изложила в книгах. Что нового вы хотите узнать? Думаете, я храню тайные знания для тех, с кем работаю лично? Или у меня есть волшебная таблетка, которая может вмиг решить любую проблему? – засмеялась профессор. Несмотря на возраст, это был задорный смех юной девушки.

Этот контраст удивил Колина еще в их первую встречу: мудрость и глубина ее взгляда удивительным образом соче-

тались с юношеским задором. А сила ее влияния... Сложно описать, но все без исключения студенты слушали ее, раскрыв рты и бережно записывая каждое слово. Ее лекции расхватывали на цитаты, ее книги становились настольными и вдохновляли на изменения.

– Я хочу найти себя. И еще мне кажется, что я мечтаю быть художником, – еле слышно произнес Колин и продолжил с прежним запалом: – Я поступил на психологический факультет в надежде помочь самому себе, найти ключ от боли... А потом помогать другим справляться с их проблемами. Но как я помогу кому-то еще, если не могу вытянуть сам себя? Я учусь, стараюсь, зубрю все лекции и часами просиживаю за учебными проектами, но руки так и тянутся за кисточкой и красками, а на лекциях – за карандашом, чтобы рисовать, рисовать, рисовать...

– Так что же вам мешает писать картины, если вас так тянет?

– Ничего, наверное. Но в голове крепко засело убеждение, что я тварь дрожащая и ничего нового показать миру не могу. Где я – просто Колин – и великие мастера живописи? Помните, как у Достоевского?

– Безусловно, – кивнула профессор, и перед глазами всплыл образ того самого кабинета психолога с потертым кожаным диваном, на котором тридцать лет назад она сама говорила, что тварь дрожащая и права не имеет не только писать, но и говорить.

Воспоминания былой давности накатили с новой силой. Но если раньше они вызывали боль, то сейчас – легкую улыбку.

Сколько таких колинов она видела за тридцать лет? Поначалу ее сердце сжималось от боли, и она исполняла роль спасателя: мечтала спасти всех и каждого. Потом поняла, что точечная индивидуальная работа, конечно, дает самые яркие результаты, но может помочь ничтожно малому количеству людей. А она хотела масштаба, поэтому писала поистине терапевтические книги, проводила мастер-классы и преподавала. А еще приняла, что не все готовы расставаться со своей болью. Приняла выбор человека идти в исцеление или оставаться там, где болит.

– Ваша история, безусловно, интересна, – ответила Кира, – но я действительно не понимаю, зачем вам я. У вас есть мои книги, впереди еще три лекции в университете... В конце концов, вы можете найти психолога и проработать свои убеждения с ним. А я совсем скоро отправляюсь в турне с презентацией моей книги...

– Профессор, пожалуйста, не отказывайте мне сразу! Я прошу вас подумать.

– Хорошо. Подумать обещаю. – Кира посмотрела Колину в глаза и уловила в его взгляде искру надежды и воодушевления. – А теперь мне пора на встречу, а вам – на занятия.

Колин кивнул и, пятясь, чуть не упал в кусты.

Кира рассмеялась:

– Осторожнее! Художнику с костылями будет непросто писать свои шедевры.

Он покраснел, но впервые за разговор засмеялся – нервно и с облегчением.

Прощавшись с Колином, Кира попросила личного водителя отвезти ее в издательство, а потом сразу домой. Ей не терпелось поскорее остаться одной, закончить работу над книгой и обдумать предстоящий тяжелый разговор с мужем.

3

Решив все свои дела в издательстве, Кира выдохнула. Она включила легкую музыку, заварила себе чай и села за письменный стол в кабинете – хотела как можно скорее внести последние правки в заключительную главу книги и освободиться. Так не было еще ни с одной рукописью – на этот раз она исправляла финал уже три раза. Ей все время казалось, что книга должна закончиться иначе.

Перед ней лежал чистый лист бумаги, справа от него – чернильница с пером; чуть поодаль стояла свеча. Кира чиркнула спичкой по коробку, зажгла свечу, машинально обмакнула в чернила перо и поднесла к листу бумаги. Большая капля упала на лист, разлившись противной кляксой, но Кира этого не замечала: мыслями она унеслась прочь – в то самое кафе, где несколько дней назад увидела своего мужа в компании молодой девушки. Они так проникновенно смотрели друг другу в глаза и весело смеялись, что она все поняла: ее муж завел любовницу. В тот момент ее словно парализовало: она замерла, не смея шелохнуться и поверить своим глазам. Мир рухнул, все внутри оборвалось: боль и пустота поселились там, где раньше были любовь и нежность.

Она не спрашивала себя, за что и почему, знала лишь одно: сначала нужно помочь себе вернуть спокойное состояние и лишь потом думать, как действовать дальше. Кира не ста-

ла выдавать себя: быстро ушла, оставаясь незамеченной мужем, и позже сказала ему, что переночует в загородном доме. Иногда она так делала, поэтому это не вызвало лишних вопросов.

Кира вспоминала и заново переживала отчаяние и боль, которые испытала в тот день, вернувшись домой. Она не помнила, как открыла и закрыла дверь, – лишь то, как какое-то время стояла, прижавшись спиной к двери.

Ее Миша и другая...

Кира медленно сползала по стене, пока не села, обхватив голову руками. «Черт! Как же больно!» Словно кол вонзили в грудь и оставили истекать кровью раненое сердце.

«Ненавижу его, ненавижу...»

Не хочется верить, не хочется думать, но мысли снова и снова возвращаются в то кафе, в ту самую минуту смеющихся «их вместе» – *ее* Миши и другой.

«Ненавижу!»

Кира с трудом поднялась с пола и нетвердой поступью пошла на кухню. В такие моменты она жалела, что не курит. Много раз Кира замечала, как во время стресса рука курильщика автоматически ищет зажигалку и сигарету – словно спасательный плот, возможность хоть за что-то уцепиться и почувствовать себя живым.

«Надо заварить мятный чай. Мята меня успокаивает», – думала Кира тогда. Дрожащими руками она открыла банку с сушеной мятой, взяла несколько листьев и положила их в

заварочный чайник.

– Теперь кипяток, – вслух сказала она. Нужно было делать хоть что-то, чтобы не сойти с ума от мыслей и боли, распирающей грудь.

«В душ, срочно в душ – вода поможет расслабиться».

Кира сбросила пальто, костюм и шагнула в душевую. Капли воды неистово били по телу. Вода смывала усталость прошедшего дня, делала незаметными слезы, стекающие по щекам, но не могла помочь избавиться от этого образа.

«Его рука на моей талии, мой смех, наши моменты вместе... Кира, очнись! Вернись в реальность. Ты психолог и знаешь, что делать».

Внутренний голос вывел ее из ступора. Кира спешно вытерлась и набрала номер своего супервизора.

– Настюш, прости, что поздно и без предупреждения, но, похоже, мне нужна помощь, – с трудом преодолев ком в горле, вымолвила Кира. – Мне изменяет Миша.

Пауза на другом конце провода.

– Понятно... Почувствуй свое состояние прямо сейчас...

Выйти из оцепенения и вернуться в состояние спокойствия и ясного ума помогла психология – вот уже на протяжении тридцати лет Кира применяла быстрые психологические практики самопомощи, а в самых трудных ситуациях обращалась к супервизору.

– Кириша, почувствуй, где в теле ощущается эта боль. – Голос на мгновение вывел Киру из ступора.

– Где? Она везде. Все мое тело – сплошная зияющая дыра из боли, отчаяния и пустоты. . .

Через сорок минут работы им удалось вернуть Киру в спокойное состояние. Они обе прекрасно знали, что такую ситуацию за раз не проработать и «хвостики» еще будут всплывать, но с ними Кира легко справится сама.

Она давно поняла, насколько неконструктивно плакать в подушку или в плечо любимой подруги, проклиная всех мужчин на свете, – легче от этого не станет, ситуация сама по себе не разрешится, а энергия потратится впустую. Но чтобы решиться исцелить травму, заглянуть в глубину своей боли и страхов нужно обладать большой внутренней силой. Гораздо проще вариться в привычных негативных эмоциях, жалеть себя, ведь роль жертвы так сладка.

Внутренней силы и решимости у Киры было хоть отбавляй – вся ее жизнь была примером преодоления трудностей, все достижения – вопреки и наперекор: из закомплексованной заики в преподавателя одного из лучших вузов мира и автора бестселлеров. Мечтала ли она об этом? Никогда!

Кира глубоко вздохнула. Так хотелось зарыться с головой под одеяло и сделать вид, что она ничего не знает! Но бегство не решит проблему. Нужно встречаться с этим лицом к лицу.

Она взяла телефон и написала мужу: «Миш, давно не обедали с тобой. Давай в среду посидим в нашем любимом кафе? Найдешь часок времени для любимой жены?»

Ответ пришел незамедлительно: «О чем речь, Кириша! В

среду в 14:00 жду тебя за нашим столиком. Люблю».

– «Кириша» ... – простонала профессор и лайкнула сообщение, вместо того чтобы в ответ написать «А я тебя ненавижу». Она отложила телефон и вышла на улицу прогуляться.

Бегство? Да! А кто не знаком с убеганием от боли, беспомощности, растерянности, опустошенности? Убеганием в работу или любую физическую деятельность, лишь бы не сходить с ума от раздирающих душу мыслей? Пока движешься и чем-то занят, ненадолго отвлекаешься от зияющей раны внутри. Она никуда не уходит, нет. И не затянется сама по себе. Продолжит засасывать тебя, когда ты остановишься и останешься один на один с мыслями.

Невыносимо... Хочется кричать, заламывать руки и биться головой о стену. Хочется стенать и плакать. Продать душу дьяволу, лишь бы эта пытка поскорее закончилась. Молиться всем известным богам о пощаде. Безвыходность и безысходность... Безнадега накрывает так, что хочется выть. Боль конечна? Нет. Она бесконечна и лишь притупляется со временем, но никогда не покинет тебя насовсем.

– Черт! – выругалась Кира, очнувшись от своих мыслей. – Это никуда не годится! Так я никогда не закончу книгу.

Но сейчас сил работать не было. Никаких. Она посмотрела на лист бумаги с жирной кляксой по центру, задула свечу, отложила в сторону перо и решила прогуляться.

Загородный дом располагался у озера – чудесное место, которое они с мужем выбирали вместе. Близость воды успо-

каивала ум и расслабляла.

Во время прогулки пошел дождь, поэтому Кира быстрым шагом вернулась к дому, но задержалась возле мокрого окна: картинка давно ушедших лет их с Мишей «вместе» обожгла огнем и болезненно кольнула.

«Дождь. Рука медленно сползает вниз по стеклу... Когда-то мы с Мишей очень любили стоять по обе стороны окна и соприкоснуться пальцами...»

Дождь всегда возвращал ее в одно и то же воспоминание – в тот самый ливень двадцать лет назад...

Михаил остался дома, а Кира отправилась к озеру на прогулку. Начался ливень, и она поспешила вернуться. Подбежав к двери, Кира обнаружила, что забыла ключи, и принялась стучать. Миша слушал музыку в кабинете и не слышал стука. Тогда Кира обошла дом и оказалась у окна кабинета. Ее муж сидел в кресле-качалке, курил сигару и наслаждался музыкой. Встрепенувшись от стука, Михаил ахнул, подошел к окну, улыбнулся и прислонил руку к стеклу.

«Сейчас, бегу», – прочитала Кира по губам. «Стой!» – жестом показала она.

«Не понял?» – недоуменно приподнял брови Михаил.

Тогда Кира прислонила руку к мокрому стеклу и посмотрела ему в глаза.

Он так же прикоснулся к окну. Их пальцы в унисон чертили линии на стекле – и это был неповторимый парный танец любви. Секунды длились вечно...

Сверкнула молния. Кира побежала к входной двери. Миша открыл и заключил ее в объятия.

– Ну я же мокрая! – пыталась возразить Кира.

– Тш-ш-ш! Не важно. Иди ко мне.

Михаил повел свою любимую в ванную, открыл кран и, пока вода с шумным ревом наполняла ванну, нежно снял с нее мокрую одежду, пальцами рисуя невидимые линии на ее спине, руках, бедрах, ногах... Потом усадил Киру в ванну, вспенил мочалку и стал растирать тело...

Кира встрепенулась от своих мыслей: «Какие сладостные моменты мы испытали в тот вечер!» Она поднесла руку к стеклу, но по ту сторону не было никого. Только вой ветра, холодные капли дождя.

В отражении Кира увидела женщину с глубокой складкой на лбу и огромными синяками под глазами, которых не было раньше. Что это – плач души по ушедшей вере в любовь? Плач из-за человека, который предал? Нет... Каждый плачет о себе.

4

В жизни каждого из нас есть особенные места, которые напоминают о важных событиях – причем как хороших, так и не очень. Возвращаясь туда по прошествии времени, неизменно попадаешь в атмосферу событий прошлого и, словно бусинки на нитке, перебираешь в памяти отдельные моменты, смакуешь любимые эпизоды, вспоминаешь интонацию, с которой были сказаны важные слова. «Вот за этим столиком он сделал мне предложение руки и сердца. А за тем, дальним, мы расстались...»

У Киры и Михаила было любимое кафе на берегу озера – именно здесь двадцать лет назад они отпраздновали свой переезд в Лондон. С тех пор их жизнь круто изменилась: Кира стала преподавателем вуза и всемирно известным писателем, Михаил завершил свою дипломатическую карьеру и согласился передать весь накопленный за долгие годы опыт студентам – будущим дипломатам.

В назначенный день Кира сидела за их столиком в кафе и подбирала слова для предстоящего разговора. Она пила кофе и рассматривала посетителей, коротая время, пока ее муж, как всегда, опаздывал. В голове невольно всплывали картинки их первого визита сюда, то волнение и трепет, которое они оба испытали при переезде в новую страну. Тогда Кира и Михаил не были юнцами, любившими постоян-

ное движение; они не искали драйва и ярких впечатлений – были состоявшимися личностями с детьми-подростками, и им было что терять на родине. Переезд был их осознанным выбором и взвешенным решением, но даже это не отменяло волнения на новом месте.

Кира усмехнулась, вспомнив себя двадцать лет назад: она и предположить не могла, что их жизнь так кардинально изменится, а правильно сделанный выбор принесет столько счастья. Но сегодняшняя встреча с Михаилом будет эмоционально трудной...

Кира увидела его из окошка: уверенная походка, густые седые волосы, темно-синий костюм, который они вместе выбирали у портного в Италии, до блеска начищенные по старой привычке туфли и неизменная сигарета в руке.

Михаил выкинул окурочек в урну и вошел в кафе. Увидев жену, улыбнулся и протянул к ней руки:

– Привет, любимая! Рад тебя видеть. Выглядишь, как всегда, шикарно!

– Ах, спасибо! Ты тоже приоделся, как я вижу, – сказала Кира спокойно, хотя в душе бушевала буря.

– Ну так не каждый день жена на свидание зовет и находит окошко для меня в своем плотном графике.

– А ты – в своем графике, – парировала Кира.

– Да-да, тут мы с тобой совпадаем: всегда бежим... Или помнишь, как говорили в молодости, когда не было ни минутки покоя? «Встал и пошел».

– Да, помню, конечно, – кивнула Кира.

– Ты уже заказала нам обед? – спросил Михаил, взяв в руки меню.

– Пока только напитки – шампанское.

– Что? Шампанское? – удивленно приподнял брови Михаил. Он на мгновение замер и в упор уставился на Киру: – Что-то не так? Вообще не похоже... Не помню, сколько лет ты вообще ничего не пьешь...

– Больше тридцати, – спокойно ответила Кира.

– Так какое же событие вселенского масштаба случилось, раз ты его заказала? Сегодня мы празднуем что-то особенное?

Михаил попытался скрыть напряжение за своей лучезарной улыбкой, которую так любила Кира. Есть люди, чьи лица улыбка буквально преображает. Когда человек улыбается, обаянию его нет предела.

– Наше расставание, я полагаю, – сказала Кира.

– Кириша, ну ты шутница! – начал было Михаил, но, увидев серьезный взгляд жены, сглотнул подступивший к горлу комок и с трудом произнес: – Что случилось?

– Миш, на днях я видела тебя с ней, – сказала Кира.

Он вмиг стал серьезным:

– Кира, не глупи! С кем это – «с ней»?

– С молодой симпатичной блондинкой. Вы так проникновенно смотрели друг другу в глаза и смеялись, что я даже позавидовала такой идиллии.

– Дорогая, это не то, о чем ты подумала! Та блондинка – моя студентка, учится на факультете международных отношений, и у нас с ней сугубо деловые отношения – в рамках учебы. Она пишет магистерскую под моим руководством, ее мы как раз и обсуждали.

– Миша, ты дипломат и всегда умел правдиво врать, – устало выдохнула Кира. – Но ты же знаешь, что со мной так не получится: я всегда знаю правду и за версту чую, когда ты обманываешь. А тут дала осечку...

Михаил хотел что-то сказать, но Кира волевым жестом руки остановила его еще не начавшиеся оправдания.

– Помнишь, много лет назад, когда мы женились, ты пообещал, что мы будем выше измен? И если чувства угаснут, то честно скажем об этом друг другу, не будем врать. Больше всего на свете я ненавижу ложь – сотню раз тебе об этом говорила! – Кира сжала салфетку так, что ногти впились в ладонь, причиняя боль.

– Но я люблю тебя! Мои чувства к тебе не угасли! Вот ты написала, что будешь ночевать в доме, а я скучал: все думал о тебе, плохо спал... Я всегда плохо сплю без тебя, – пробормотал Михаил.

– И поэтому ты завел любовницу? Чтобы сон твой охраняла? – Кира посмотрела на мужа в упор; ее взгляд был полон гнева и боли.

– Кира, перестань! Поехали домой и все спокойно обсудим. У меня с ней ничего не было.

– Миш, тут нечего обсуждать. Сейчас я уйду. Я говорила тебе, что не смогу принять измену. Жить буду в загородном доме, и ты ко мне туда не приезжай. Мне нужно побыть одной. Детям я пока говорить не буду: не знаю, как подобрать слова... Пока не знаю. Позже скажем все вместе.

– Кира, не горячись, подожди! Ты не можешь вот так перечеркнуть почти сорок лет нашей жизни!

Мысленно Кира ответила: «Именно потому, что это сорок лет, я и не могу простить все так легко», – а вслух сказала:

– Да? Разве? А мне кажется, перечеркнул их ты – своим поступком. А теперь мне пора: скоро завершающая лекция в Кембридже, собрались лучшие студенты со всего мира – мне нужно быть в форме. Вся эта ситуация и так меня изрядно потрепала.

Кира быстрым шагом вышла из кафе и села в машину, оставив Михаила одного за их любимым столиком в кафе. Ее руки тряслись, лицо было бледным и измученным. Не так она планировала провести разговор! Не на такой тон настраивалась – не хотела опускаться до обвинений и занимать позицию сверху, но эмоции взяли верх... «В конце концов, я живой человек», – подумала Кира и попросила своего личного водителя Брайана отвезти ее домой.

Тем временем Михаил думал, что ему делать. Мысли вихрем пролетали в голове: «Бежать и догонять Киру? Бессмысленно! Поехать в дом? Прогонит! Позвонить детям? Что им сказать?..» Он теребил недопитую чашку кофе, оставленную

Кирой.

Голос официанта вывел его из задумчивости:

– Ваше шампанское, сэр! Желаете что-нибудь еще?

Михаил покачал головой, не в силах ответить, залпом осушил бокал, подал официанту знак, что подливать больше не надо, и сжал в руках кофейную чашку Кириши – чашку, которая все еще хранила тепло ее рук. Эту женщину он всю жизнь боготворил, любил, побаивался ее силы – и предал.

– Черт, что же я наделал! – сокрушенно опустив голову на руки, прошептал Михаил.

В этот момент зазвонил телефон. «Виктория» – высветилось на нем.

«Только ее сейчас и не хватало! – с раздражением подумал Михаил. – Как я мог поддаться искушению, как мог зайти так далеко? Я вел себя как мальчишка. Господи, что я натворил...»

Он сбросил вызов Виктории и отправился на кафедру. В голове одна за одной мелькали мысли: «Нужно поговорить с Викторией...», «Нужно кому-то передать ее диссертацию...», «По телефону такое не обсуждают», «Договорюсь о встрече в кафе».

Михаил дрожащими руками пытался высечь искру из зажигалки: «Черт, черт, черт!»

Через пару часов он сидел за столиком кафе и ждал Викторию.

«Передать ее диссертацию на сопровождение другим на-

учным руководителем, к счастью, не составило бы труда – студентка она способная, помогать такой писать работу в радость».

Виктория вошла в кафе и сразу увидела сидящего к ней спиной Михаила. Было в его позе что-то, что ее насторожило. Усталость? Никогда раньше она не замечала за ним такого.

Она подошла к столику и улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. От нее веяло свежестью и юношеским порывом.

Михаил невольно залюбовался ею: длинноногая, стройная, с волосами цвета соломы и большими голубыми глазами. На фоне ее цветущей молодости он почувствовал себя дряхлым стариком, хотя для своих лет выглядел прекрасно. «Как мог я раньше не замечать такой контраст?» – удивился он про себя, а вслух сказал:

– Виктория, благодарю, что пришли.

Он встал, помог ей сесть, избегая смотреть в глаза. В движениях Михаила чувствовалась резкость и решимость, но руки его предательски дрожали.

– Ну что вы, Михаил! Разве я могла не прийти? Я вам сегодня несколько раз звонила, но вы не поднимали трубку, и я начала волноваться. Все ли у нас хорошо? – Ее голос дрогнул, и она посмотрела на Михаила широко распахнутыми глазами: в них читались неуверенность и страх.

Виктория была неглупа, разительные перемены в Михаи-

ле заметила сразу: словно тяжесть легла на его плечи – любимые широкие плечи...

Михаил вскружил ей голову на первой лекции третьего курса. Завидная невеста и предмет вожделения доброй части мужской половины университета, она предпочла пылким сверстникам его – стареющего дипломата с богатым жизненным опытом и особой, присущей только ему харизмой.

Он был не похож на ее ровесников: тех интересовали только ее длинные ноги и глупые шутки, а еще ее папа – влиятельный бизнесмен, один из спонсоров университета, который легко мог дать успешный старт любому ее избраннику.

Михаила же, в отличие от них, не интересовали связи ее отца. Он говорил о Бродском и Достоевском, остроумно шутил и рассказывал о своих удивительных приключениях. Она чувствовала себя с ним легко, непринужденно и надежно: хрупкой женщиной, которую крепко обнимают сильные руки. А еще ей льстило его внимание – многие студентки отдали бы все за возможность прикоснуться к нему, быть с ним... Но он достался ей. А как он улыбался! Сладкая истома разлилась по телу Виктории при одном воспоминании о его улыбке и их близости.

Михаил никогда открыто не говорил о своих чувствах, но в глубине души Вика надеялась, что смогла его покорить. Разве могло быть иначе?

Она осторожно коснулась тонкими пальцами его мускулистой руки. Михаил резко отдернул руку, как ошпаренный.

– Виктория, не стоит беспокоиться, все в порядке, – слишком быстро и скомканно произнес он. – Давайте сделаем заказ и все обсудим. Что вы будете?

– Капучино на кокосовом. Ваша отстраненность меня пугает... – Виктория смотрела на преподавателя настороженно, ее длинные ресницы дрожали.

Михаил подозвал официанта, сделал заказ и продолжил:

– Виктория, простите меня за то, что поддался порыву и ввел в искушение вас и себя. Нам больше не стоит тесно общаться. С сегодняшнего дня все сводится к общению преподавателя и студентки в рамках моих лекций и практических занятий. – Михаил посмотрел Виктории в глаза – она была удивлена – и продолжил: – По поводу диссертации не волнуйтесь: я передал вас в руки прекрасного специалиста и человека с большой буквы – профессору Макмиллану.

– Как это – передал? – В глазах Виктории стояли слезы. – Еще вчера у нас с вами все было хорошо, и вдруг вы мне все это говорите. Михаил... Миша, ты же знаешь, как я к тебе отношусь, – понизив голос, сказала Виктория. – Ты же знаешь, что я хочу писать диссертацию только с тобой. Ты же знаешь, что мы небезразличны друг другу: нам хорошо вместе, мы понимаем друг друга с полуслова! Мы... мы...

– Виктория, я прошу вас не драматизировать и не усугублять ситуацию. – Михаил трусил и не мог смотреть ей в глаза.

– Миша... – Виктория взяла его за руки, ее пальцы предательски дрожали. – Мишенька, а как же то, что между на-

ми было?

– Вика, посмотри на меня внимательно. – Михаил резко поднял на нее глаза. – Мне шестьдесят лет, я женат, у меня есть дети и внуки. Моя жена Кира видела нас на днях и поняла, что между нами что-то есть. Я не могу ее потерять! Она для меня... – Михаил запнулся.

– Ну конечно, твоя *идеальная* Кира! *Светило мировой психологии!* Куда уж мне до нее! – Виктория с силой стукнула ладонью по столу.

– Не в этом дело. Она... Я без нее просто не умею... жить.

– Тогда что было между нами? – уже не пряча слез, спросила Вика.

– Вспышка страсти. Мой ужас при мысли о надвигающейся старости... Это не любовь, Вика. Это моя ошибка. Ошибка, с которой мне жить и последствия которой расхлебывать годами.

– Ошибка?! Значит, все разговоры, все, что между нами было, – чтобы ты мог почувствовать себя молодым? – судорожно сжимая салфетку, воскликнула Виктория. Она сделала глубокий вдох, шумно выдохнула и, казалось, взяла себя в руки. – Сейчас ты уверен в своем решении? – дрожащим голосом спросила она Михаила.

– Да, мне нужно вернуть Киру во что бы то ни стало.

– Удачи тебе! – резко сказала студентка и выбежала из кафе.

«Вот что я натворил? Как всегда, я во всем виноват...» –

подумал про себя Михаил, расплатился, вызвал такси и поехал домой.

Таксист что-то говорил, но Михаил не слышал. Перед глазами стояла Кира – такая, какой он увидел ее впервые: в темно-синих обтягивающих джинсах, с бездонными карими глазами – его воробышек. Тогда он сразу влюбился.

«Прости», – прошептал Михаил в стекло, запотевшее из-за дождя.

5

В ситуации стресса мы ищем опору внутри или привычный способ расслабиться. Михаил всегда выбирал второе, и этот раз не был исключением. Войдя в пустую квартиру, он скинул пиджак и первым делом подошел к бару. «Старый добрый коньяк поможет привести нервы в порядок, – подумал он. – Хоть Кира и не любит, когда я выпиваю, она об этом не узнает. А если и узнает – плевать: сама сегодня вычеркнула меня из жизни!»

Сделав первый глоток, Михаил почувствовал, как омерзителен его вкус. С каких это пор коньяк стал противен? Он сделал второй глоток, но с трудом смог проглотить и его.

– Черт! – выругался Михаил. Он был в ярости: злился на самого себя и всю эту дурацкую ситуацию с Викой. Со всей силы швырнул стакан в стену: – Ненавижу! Как же меня угораздило связаться со студенткой? Нет, Виктория – конечно, чудесная девушка и явно симпатизирует мне, но я-то... Кира права: из нас двоих я всегда был слабее...

Михаил выглядел моложе своих лет и всегда привлекал женщин. Пухлые чувственные губы, длинные ресницы и большие карие глаза добавляли ему очарования и шарма, а деликатность и умение вести переговоры завершали образ желанной добычи. Признаться, внимание женщин ему льстило, но он никогда не переступал черту – до встречи с

Викой.

Влюбился ли он? Нет. Потянулся в ответ на ее томные взгляды и явный интерес к его предмету.

Виктория всегда садилась за первую парту и внимательно слушала его лекции, временами поправляя прядь волос. Когда Михаил шутил, ее смех колокольчиком звенел в аудитории. На семинарских занятиях Вика всегда была готова отвечать и оставалась после, чтобы задать интересующие вопросы. В какой-то момент вопросов стало так много, что для ответов на них не хватило перемены и они пошли в кафе после занятий. Потом еще раз и еще – и в какой-то момент все зашло слишком далеко: Виктория пригласила его к себе, чтобы показать коллекцию книг своего отца, и они переспали. Первая реакция после – шок: кроме того, что Михаил годился ей в отцы, он был ее преподавателем. Но Викторию ничего не смущало, она находила удобный момент и удачный предлог, и они снова оказывались в постели.

Видел ли он с самого начала, что она пытается его соблазнить? Да. Мог ли ей отказать? Да. Знал ли, чем закончится очередная встреча? Безусловно. Но запретный плод сладок. Он будоражит воображение, туманит мозг и так и манит сорвать себя, вкусить и желать снова и снова.

Их роман длился на протяжении двух месяцев до того момента, как их увидела Кира.

Михаил не любил Викторию – был очарован молодостью тела, которое льнуло к нему. Виктория так восхищалась его

мужественностью! Она так искренне смеялась над шутками Михаила, словно он был гением юмора, и так томно смотрела ему в глаза, что он вновь чувствовал себя двадцатилетним юнцом, способным вскружить голову любой барышне. Вика всегда носила в сумочке пачку его любимых сигарет: «На случай, если зайдете взять новую книгу», – говорила она, а он делал вид, что не замечает намека.

И она всегда прикуривала ему сигарету после близости, делая первую затяжку и нежно обнимая его сзади.

«Что же мне теперь со всем этим делать? С Викой все понятно, и все уже кончено... Но как вернуть Киру? Как заслужить ее прощение?»

– Слабак! – промышчал Михаил, уронив голову на руки.

В голове одна за другой мелькали картины их с Кирой прошлого. Они поженились совсем молодыми: ему было двадцать пять, ей – двадцать шесть. Михаил сделал успешную карьеру дипломата. Кириша помогала ему всегда и во всем: легкая на подъем, немного сумасбродная, но неизменно бесстрашная и решительная. Михаил искренне ею восхищался. Из растерянной девочки, его воробышка, она стала известной в писательских кругах женщиной и знаменитым психологом. Михаил ей очень гордился.

Когда они поженились, Кира металась из стороны в сторону, не зная, куда ей идти работать, кем быть. Она искала себя и всегда легко уходила оттуда, где ей не нравилось или становилось скучно. Исключение сделала только для него –

Михаила.

«Ох и намучилась она со мной! – подумал он. – Пил, убегал к друзьям, оставляя ее одну – сначала беременную, потом с одним ребенком, а затем – и с двумя...»

Она терпела. Не молчала, нет – скандалила, грозилась уйти, но неизменно прощала его и спасала. Раз за разом она вытаскивала его из запоев, стиснув зубы и тихонько вытирая слезы. Даже в те моменты адской боли она верила, что он сильный и справится. Она верила в него всегда – даже когда он сам в себя не верил.

Кира не спала ночами, помогая ему успокоиться и уснуть: уговаривала, обнимала, плакала, а утром варила для него кофе, даже если ее руки дрожали от злости и она была измотана бессонной ночью. Она всецело отдавала себя их детям, даже когда не было сил шевелиться и хотелось лечь под одеяло – словно маленькая девочка, спрятаться от всего мира и тихо плакать.

Ничего не было бы без нее: ни карьеры дипломата, ни жизни в Европе сейчас, ни счастья.

«Кириша права: я слабый, она – сильная. Она всегда была сильнее».

Она не позволяла себе быть слабой. В то время как он вел свою разгульную жизнь, она всегда оставалась оплотом стабильности и надежности для их детей. Она личность, за которой идут. Он – личность, которую ведут. Она ведет всю свою жизнь.

Михаил как сейчас помнил, как ему предложили хорошие условия работы и переезд в другой город. Помнил, как шел домой и боялся сказать Кирише о переезде. Боялся не того, что она не согласится, – как раз наоборот: что поддержит эту идею... И тогда придется ввязаться в новую авантюру, а ему было так лень, ведь весь быт уже налажен. И хоть ему было уже тесно на старом месте, привычное «болото» затянуло.

Так и случилось: Кира восприняла идею переезда с восторгом. К тому времени она уже прочно стояла на ногах и могла работать удаленно. Она сразу показала Михаилу, какие возможности даст им новое место и буквально уговорила всю семью на переезд.

Михаил был благодарен ей за это. Тот переезд поставил точку в его загулах с друзьями и послужил началом нового этапа их совместной жизни.

Михаил обожал Киришу: за ее решимость, веру в него, за ее смелость и дерзость быть собой. Она многому его учила – и учит дальше.

«И вот я оступился... Что это было с Викой? Минутное помутнение? Седина в бороду, бес в ребро? Зачем я изменил? Ведь я прекрасно знал, что Кира не простит и я сам себя не прощу... Ведь у нас с Киришей все хорошо, все в порядке... Да, оба заняты, все в работе, но все же так, как всегда...»

Михаил был преподавателем факультета международных отношений – успешная карьера дипломата открывала ему

двери во многие престижные вузы. Он мог остаться на родине, но решил ехать с Киришей, когда ей стало тесно в рамках одной страны и ее ждал весь мир: теперь была его очередь поддерживать Киру во всех ее дерзких начинаниях. Она была неугомной. Михаила это восхищало и иногда пугало.

Имея два высших образования, Кира никогда не переставала учиться, а в сорок лет написала свою первую книгу, вмиг ставшую бестселлером. В успех этой затеи Михаил поначалу не верил: востребованный психолог с обширной индивидуальной и групповой практикой, мама двоих детей – что еще надо для счастья? Зачем еще куда-то идти? Но нет, это не про Киришу. «Вперед и только вперед по зову своей души» – так она всегда говорила. И Михаил знал: Кира догадывается, что он не всегда понимает, куда она несется и зачем, но она искренне благодарила мужа за поддержку.

«Неужели мы потеряем друг друга?» – с ужасом подумал он, чувствуя себя разбитым и опустошенным.

Михаил выключил свет и лег спать в зале на диване, укрывшись пледом – у него не было сил спать в кровати, чувствуя ее запах.

Он закрыл глаза, но вместо темноты перед его взором стояла Кира: не та, что сегодня бросила его в кафе, а та, что когда-то, в их первую ссору, прошептала:

– Ты же не предашь меня, правда?

И тогда он рассмеялся:

– Да с чего бы? Ты же мой воробышек.

6

Все события сплетаются в витиеватый узор жизни. У каждого он уникален и окрашен разными цветами. В нем есть все: радужные счастливые моменты, серость и легкая грусть, меланхолия, бушующие страсти, ответная и безответная любовь и какое-то количество боли, которую каждому суждено прожить и пережить, преодолеть, чтобы стать сильнее и целостнее. Узор жизни не может быть простым – так слишком пресно. Он сложный – так интереснее жить.

Можно по-разному относиться к событиям, наполняющим нашу жизнь и по-разному их интерпретировать. Неизменно одно и для всех: из каждого события должно извлечь опыт, из каждого должно выйти победителем, преодолев свои внутренние ограничения и барьеры. За каждым событием кроется личностный рост.

Вернувшись в загородный дом, Кира спешно сбросила пальто и рухнула на диван, свернувшись калачиком и прижала колени к груди. Плакать не хотелось, а может, не было сил – только одинокий протяжный вой рвался из груди: вой раненого зверя, за которым последовала тупая боль, а дальше – пустота...

Пустота подкрадывается незаметно и тихо убивает в тебе жизнь. Она словно выжигает все эмоции и чувства. Проще

чувствовать боль: ты знаешь, что она в любом случае стихнет, притупится и станет фоном; но пустота захватывает тебя целиком и тянется вечно. Неяркая и неприметная, она поглощает тебя: сначала отхватывает маленький кусочек, а потом забирает все жизненные силы. Ты сливаешься с пустотой. Ты и есть пустота. Она твой тихий убийца.

Кира чувствовала, как ее парализует пустота, но самое страшное заключалось в том, что она ничего не хотела с этим делать. Для нее такое было нехарактерно: в отличие от Михаила, в ситуации стресса Кира искала опору внутри себя. Но не сейчас.

Она выпрямилась и огляделась, снова и снова перебирая в памяти привычные картинки их с Михаилом «вместе»: «Вот тут, возле камина, я лежу у тебя на коленях, а ты гладишь мои волосы. Тут я обычно читаю или пишу книги, а ты куришь и листаешь соцсети. В моей библиотеке есть твой любимый диван, на котором мы устраиваем жаркие дискуссии по поводу прочитанных книг или свежих новостей. В твоём кабинете – аквариум, собранный тобой для меня. Весь дом живет нами, тобой и мной... Убрать твои вещи из дома – все равно что лишить дерево корней, а дом – души. Дерево без корней зачахнет и умрет, а дом без тебя утонет в тоске и бессмысленности бытия...»

Этот дом они с Михаилом купили двадцать лет назад, как только переехали: на берегу озера, с большим садом и выходом в лес – все как мечтали когда-то. И обустроивали они

его вместе, тщательно подбирая каждую мелочь, чтобы не испортить соседство с природой вычурными деталями.

Кира провела рукой по спинке дивана: вот обивка, которая так нравилась Мише и которую они выбирали вместе; а вот его любимые подушки, плед. Каждая статуэтка и фотография трепетно хранили память о времени, когда они были вместе. «Как сложно не думать о нем там, где все им пропитано...»

На кухне стоит его любимый самовар – напоминание о родине, по которой он втайне тосковал. Его любимые чашки, приборы, его место за столом...

В прихожей – его туалетная вода от *Dior* и коллекция запонок. В каждой комнате – его след: Михаил до сих пор покупал всякую всячину, чтобы порадовать своих внуков во время их очередного приезда в гости.

Кира подошла к полке и взяла в руки их с Михаилом фотографию в стеклянной рамке с гравировкой «Вместе навсегда».

«Вместе навсегда... Вместе навсегда... Навсегда... Вместе», – проносилось у Киры в голове.

Резким движением руки она швырнула рамку в стену, и та разбилась на сотни осколков. Было невыносимо больно, и жгло в груди. Потoki слез потекли по щекам.

«Вот уж не думала, что в шестьдесят лет буду так переживать измену... Отношения – то, что дарит невыносимое наслаждение и ранит сильнее всего. Вот уж поистине плацдарм

для личностного роста, – с горечью подумала Кира. – Что есть я – отдельная, отличная от своей роли психолога и профессора? – думала она. – Всего лишь женщина с обычными мирскими заботами, радостями и печалью. Тогда что меня отличает и что дает право быть наставником для других? Опыт самоисцеления? Какая уж тут зрелость, если измена мужа выбила почву из-под ног... Стоп, Кира! – резко оборвала она свой бессмысленный внутренний монолог. – У меня есть выбор: мусолить в голове измену Миши, свою растерянность, жалеть себя и вспоминать все горести прошлых лет – или пойти в исцеление травм, стоящих за этими переживаниями».

Кира вышла из оцепенения и устремилась в свой кабинет-библиотеку, подошла к столу, взяла лист бумаги и перо, закрыла глаза. Это был безотказно работающий метод: найти ключевую уязвимость и исцелить ее на уровне тела. Слои за слоями погружаясь все глубже в травму, она чувствовала, где находится эпицентр боли в теле, а потом дышала, отпускала ее, наполняясь спокойствием и внутренней тишиной.

Через пятнадцать минут Кира встала из-за стола другим человеком: спокойная, расслабленная, уверенная в себе. Боль исчезла, оставив место внутренней тишине. От самой измены было никуда не деться, но теперь она осталась просто фактом биографии, не влияющим на состояние Киры и не затуманивающим ее ум.

Тридцать лет назад Кира выбирала страсти и неохотно

шла в проработку эмоций, каждый раз со скрипом преодолевая сопротивление. Она упивалась ролью жертвы, чтобы потом «мочить врагов» самой в ответ и становится агрессором; а когда гнев был исчерпан, принималась спасать ситуацию. Таким образом они с Мишей создавали себе эмоциональные качели. Им нравилось играть в эту игру: напряжение в отношениях – ссора, боль – опустошение – примирение – идиллия – снова напряжение – и так по накатанной... Осознавали ли они эту динамику? Поначалу, совсем юными – нет, потом – да. Но им все это нравилось. До тех пор, пока Кира не увлеклась психологией. А Миша? Он подстроился. Поначалу сильно злился, психовал и называл все это полным бредом, а потом смирился.

«Что же изменилось сейчас? – подумала Кира. – Иногда мне кажется, что ничего. Я как будто превращаюсь в ту юную Киришу, которая так страстно желала любви и с горечью переживала все ссоры. Вот и в кафе с Мишей я не удержалась от упрека. И шампанское зачем-то заказала... – думала Кира. – Мне было приятно видеть его растерянным. Я напрочь забыла про безусловную любовь, вела себя как раненый зверь, хотела, чтобы ему стало хоть чуточку так же больно, как и мне, когда я увидела их вместе. Только ведь чужая боль не поможет избавиться от своей... И что мне теперь делать?» – подумала Кира. И тут же вспомнила свою любимую фразу Скарлетт О'Хары «Я подумаю об этом завтра», выключила в библиотеке свет и пошла спать.

Проснувшись Кира с ощущением усталости и разбитости. «Нужно быстро привести себя в форму, – подумала она. – Сегодня вторая лекция в университете. Нужно быть максимально собранной и в ресурсном состоянии».

Кира прекрасно знала, как поле человека влияет на аудиторию: можно говорить суперумные вещи, но так и не быть услышанным, а можно – всем понятные истины, и аудитория воспримет их восторженно, если уровень силы высокий.

Кто-то может посчитать ежедневное выполнение утренних ритуалов лишним, но только не Кира. Без соблюдения обязательных атрибутов весь ее день летел в тартарары или как минимум считался скомканным. Поэтому, накинув пальто, она вышла прогуляться к озеру – это была первая составляющая ее утра наравне с дыхательной практикой и кофе с кардамоном. По пути она встретила Брайана, который уже готовил машину к поездке.

– Доброе утро, Брайан! Как дела?

– Доброе утро, Кира! Спасибо, все хорошо. Вы, как обычно, гулять?

– Да, не могу отказать себе в удовольствии замерзнуть утром, – пошутила Кира.

К утренней прогулке ее приучила любимая собака Джесси – лабрадор, которая умерла два года назад. Собаки уже не было, а привычка гулять утром и вечером так и осталась. Они с Мишей много раз обсуждали идею завести новую собаку, но пока не решались: слишком сильно привязывались к

четвероногим друзьям, и слишком больно было с ними расставаться. Кира вдруг вспомнила, как Миша сжимал в объятиях умирающую Джесси и плакал, не стесняясь своих слез.

«Как не хватает Джесси! – с грустью подумала Кира. – Она всегда знала, как меня взбодрить и вывести из состояния грусти».

А еще прогулки были их с Мишей семейным ритуалом – временем, которое они проводили вместе: делились планами на день или своими размышлениями. Это их сближало.

«Неужели мы упустили нашу близость? Когда мы позволили ей уйти? В суете дней стали отдаляться друг от друга, каждый погрузился в работу, а Миша – еще и в новый роман... Я всегда любила одиночество, с самого детства, – думала Кира, шагая по тропинке к озеру. – Любила размышлять, читать, воображать. Но при этом всегда осознанно выделяла время для нас двоих – нашей пары, понимая, как это важно для поддержания истинной близости. Когда это я забыла о нас? – задалась вопросом Кира. – Хотя мне ли не знать, что в любой ситуации виноваты оба...»

Она подошла к озеру и сильнее укуталась в шарф: возле воды стало зябко. Кира наблюдала, как утки собираются в стайки, готовясь к отлету.

– Все живое жметя друг к дружке, ищет своих, стремится к теплу родного и близкого существа... Так, Кира, надо собраться! – грозно сказала она сама себе.

«Ах, еще и студент Колин с его просьбой... – вспомнила

Кира. – Пожалуй, соглашусь с ним поработать: что-то откликнется во мне в ответ на его просьбу».

Кира быстро вернулась домой, выполнила дыхательную практику, надела темно-зеленый костюм, отлично подчеркивающий ее природную красоту и статность, уложила волосы и села в машину.

– Поехали в университет, Брайан. Только сначала заедем за кофе – я не успела выпить его дома.

– Конечно, Кира, как скажешь!

Машина плавно тронулась, а в зеркале заднего вида виднелся дом – будто картина из другого времени, где они с Мишей еще были «вместе навсегда».

Вторую лекцию профессора студенты ждали с огромным нетерпением. Кира Дмитриевна была живой легендой, билеты на ее мастер-классы раскупались с космической скоростью, а ее книги неизменно становились бестселлерами.

Она, как всегда, была на высоте: собранная, искрометная, профессиональная – ни жестом, ни взглядом не выдала той бури эмоций, которая буквально разрывала ее изнутри. Лекция закончилась овациями, и студенты обступили Киру, благодарили ее, просили ответить на их вопросы.

Кира была растрогана до глубины души и напомнила, что впереди их ждет целая пара вместе, а если вдруг ее не хватит, чтобы ответить на все вопросы, она организует для них дополнительную онлайн-пресс-конференцию. Возгласы ликования стали лучшим ответом на это предложение.

Студенты нехотя разошлись на другие занятия, а Колина Кира попросила задержаться. Она собрала свои вещи и сказала:

– Я согласна работать с вами. Я думала, зачем мне соглашаться на эту авантюру, и пришла к такому выводу: мотива помочь вам, потому что ваша судьба схожа с моей, нет. Я вышла из роли спасателя, равно как и из роли жертвы, уже очень давно. Конечно, я сочувствую, сопереживаю и понимаю, как трудно вам было, но жалость – не тот мотив, ра-

ди которого стоит что-то начинать. Более того, я прекрасно знаю, что любая работа должна быть оплачена, потому что взаимообмен никто не отменял, но денег с вас я не возьму.

Колин слушал Киру, затаив дыхание.

– Почему же мне интересно пойти в работу с вами? Мир любит решительных и активных, и в этом вы уже преуспели: давно никто так настойчиво и искренне не просил меня о личной работе. Когда вы рассказывали мне о том, что наши истории схожи, я подметила одну важную деталь. При всей схожести есть существенное отличие: вы гораздо смелее меня в мои двадцать лет, полны решимости и не побоялись вот так в открытую обратиться ко мне, зная, что шанс на согласие – один на миллион. Мне бы вашу решимость сорок лет назад! Боюсь даже представить, где была бы сейчас. – Профессор посмотрела на Колина с улыбкой и продолжила: – А еще – взаимное опыление. Слышали про такое?

Студент кивнул, а профессор продолжила:

– Я беру паузу, временно отказываюсь от преподавания, чтобы завершить свою книгу, подготовиться к мировому турне и, возможно, создать что-то новое: никогда не знаю, куда еще заведет меня мой путь. Поэтому наши беседы будут полезны и мне – как взаимоопыление. Мы все оставляем след, свои отпечатки во внутреннем мире собеседника, и, размышляя о вашей просьбе, я почувствовала отклик пойти в это.

Кира увидела в глазах Колина восхищение и продолжила:

– Сейчас я переживаю не самый легкий период в своей жизни, поэтому работа с вами будет своего рода и моей терапией – я так чувствую. А кто я такая, чтобы противиться самой себе? – Профессор озорно улыбнулась. – Так что решено: я согласна!

– Ура! – воскликнул Колин. – Вы не представляете, как много это для меня значит! У меня словно выросли крылья!

– Рада слышать, что вы в таком восторге. Я хочу, чтобы итогом нашей совместной работы стал ваш результат. Может быть, в виде персональной выставки, а может, получится что-то совсем иное: вы ведь тоже пока не знаете, к чему приведет эта авантюра. – Профессор улыбнулась и в ее глазах мелькнули озорные искорки.

Колин только кивал в знак согласия, не в силах сказать ничего вразумительного.

– Делая выбор в пользу нашей совместной работы, вы должны понимать, что трансформация неизбежна. И еще вам придется выполнять мои задания – готовы к этому?

Профессор посмотрела Колину в глаза, отчего у него на мгновение захватило дух: такая глубина и мощь таились в ее взгляде.

– Согласен на все! Какие задания меня ждут? – спросил он.

– Очень простые с одной стороны и вызывающие сопротивление – с другой, – серьезно сказала Кира. – Все эти задания будут направлены на самопознание, избавление от лож-

ных убеждений, иллюзий и, в конечном итоге, на достижение вашей цели.

– Вау! Я только за! Не передать словами, как сильно я благодарен вам за ваше согласие, профессор!

– Тогда решено. Предупрежу сразу: я буду звать вас по имени и обращаться на «ты». Вы можете звать меня Киной или как вам удобно и комфортно.

– Согласен! Со всем согласен!

Колин так искренне радовался, что профессор засмеялась.

– У тебя сейчас большой перерыв, так?

Он кивнул.

– Давай отведаем вкуснейшие тыквенные пирожные в кафе неподалеку и скрепим наш договор чашечкой кофе, согласен? Заодно обсудим все детали совместной работы.

– С удовольствием! – воскликнул Колин, и они отправились в кафе.

– Как тебе пирожное? – спросила Кира, допивая кофе. – Мои муж и дети, будучи яркими противниками тыквы, обожают эти пирожные в этом кафе, – добавила она, почувствовав привычный укол боли в груди при мысли о Мише.

– Оно восхитительное! Признаться честно, я заказал его, только чтобы не обидеть вас, – смущенно ответил Колин. – Тыкву я тоже не люблю, но этот десерт – выше всяких похвал.

– Ну, вот наша терапия и началась! В угоду мне ты был

готов есть то, что совсем не любишь, – засмеялась Кира. – Нет, я не осуждаю тебя, конечно – сама такой была. Об этом мы еще поговорим – и не раз. – Кира улыбнулась и продолжила: – Итак, встречаться мы будем раз в неделю на полтора часа. До моего отъезда в Торонто – именно там запланирована презентация моей новой книги – мы будем встречаться каждую неделю. Потом будет небольшой перерыв – как раз для того, чтобы ты предпринял реальные действия. – Увидев в глазах Колина удивление, она добавила: – Да-да, не удивляйся. Не разговорами едиными совершается трансформация и личностный рост. После перерыва снова будут встречи раз в неделю – для рефлексии. Место встречи будем определять, ориентируясь на мой график и тему для обсуждения. Иногда важно быть в уединении – тогда отлично подойдет мой загородный дом: тишина и близость к природе настраивают на самопознание. – Профессор внимательно посмотрела на Колина. – Будут встречи и в людных местах – как часть терапии в том числе.

– Я на все согласен, – спешно ответил Колин.

– Ну, по тыквенному пирожному я это уже поняла, – пошутила профессор, и они оба прыснули от смеха. – До встречи в субботу, Колин! И завтра на лекции.

– До встречи, профессор! Еще раз огромное вам спасибо! Я вас не подведу!

– Не сомневаюсь в этом. – Профессор улыбнулась и пошла к машине.

Колин же решил прогуляться по осенним улочкам и подумать над тем, что с ним произошло. Он все еще не мог поверить в свою удачу.

8

Замечали, как по-разному мы реагируем на стресс? Иногда впадаем в ступор и сидим неподвижно, уставившись в одну точку; а иногда начинаем суетиться, бесцельно ходить из угла в угол и много жестикулировать. Михаил обычно метался, пытаясь бегством заглушить тревогу.

После разговора с Кирой он два утра подряд просыпался неотдохнувшим и разбитым. Тело ломило после сна на неудобном диване. «Поди не мальчик уже спать так», – подумал Михаил, разминая плечи, но перемещаться на кровать не хотел: слишком много там связано с Кирой, их общая спальня – ее любимая комната.

Михаил накинул теплый махровый халат, обул тапочки, заварил кофе и отправился на улицу покурить.

Он был заядлым курильщиком: лет с двадцати каждое утро начинал с чашечки кофе и сигареты на свежем воздухе. Это был ритуал, с которым он не готов был расстаться даже сейчас, когда врачи настойчиво рекомендовали ему пересмотреть такую привычку.

Михаил поднял воротник халата, сделал первый глоток кофе и затянулся сигаретой. Медленно выпуская колечки дыма, он размышлял: «Хорошо хоть вчера не было лекций – провалялся весь день дома. Но теперь пора действовать решительно. Кира сотню раз говорила, что жизнь благоволит

смелым и решительным! Сначала в душ, потом – на работу. По дороге заеду в цветочный магазин и куплю жене самый шикарный букет – все, как она любит. А еще подпишу открытку и искренне попрошу прощения. Кире нравятся открытки – среди всех подарков она радуется им больше всего. Отдать букет лично или, может, передать с курьером? – размышлял дальше Михаил. – Господи, какой же я трус! Ну какой курьер?»

Он в отчаянии закрыл лицо руками, зажмурился и, стиснув зубы, прорычал:

– А-а-а-а-а-а, слабак...

Миша понял, что трусит. Трусит предстать перед Кирой и посмотреть ей в глаза. Она видит его насквозь! В ее глазах было столько пронзительной глубины, что она считывала малейшую ложь или даже намек на страх.

– Черт! – выругался Михаил, выкинул окурок и вернулся в квартиру.

Приняв душ, он надел костюм-тройку темно-синего цвета и запонки, которые подарила Кира. Почти весь его гардероб состоял из вещей, купленных с ней вместе, – она умела подобрать нужный ему цвет и фасон, дополнить образ туфлями и запонками.

Сегодня Кира проводит заключительную лекцию в университете, и по этому поводу запланирован фуршет, на котором соберутся все преподаватели вуза и приглашенные гости.

«Вручу букет там, – решил Михаил. – Я и так собирался ехать на фуршет с цветами».

Он вызвал такси и попросил водителя отвезти его в цветочный магазин. Михаил не хотел нанимать личного водителя: считал, что незачем, и, к тому же, частенько гулял пешком, изучая улочки города – любил исследовать новые места.

«А вдруг она меня не простит? – думал он, рассматривая спешащих на работу людей в окно, однако быстро отбросил такие мысли: – Нет, она не может так поступить. Да, я виноват, но Кира не сможет вот так, одним махом перечеркнуть сорок лет совместной жизни. Нет, не сможет», – успокаивал себя Михаил.

В цветочном магазине он попросил составить нежную композицию из роз и полевых цветов в корзинке – именно так любит Кира. За столько лет совместной жизни он хорошо изучил вкус жены в цветах и еде. Если хочешь порадовать Киру кулинарными изысками, закажи овощи с вкусным соусом; если хочешь удивить цветами – подари их просто так, без повода, и обязательно в корзинке. Так Михаил и решил сделать. Забрав корзинку с цветами, он поблагодарил флориста и отправился в университет.

* * *

Кира провела свою заключительную лекцию, которая закончилась бурными аплодисментами, не утихавшими в тече-

ние всей перемены. Когда студенты наконец разошлись, легкая тень грусти появилась в ее глазах. Кира тяжело вздохнула: она искренне любила свою работу, но на данном этапе завершила преподавательскую деятельность. Вместе с грустью пришло и облегчение: теперь она полностью сконцентрируется на новом турне с книгой. Вдобавок ко всему, Кира чувствовала легкое волнение от предстоящей работы с Колином – давно она не брала клиентов на личную терапию...

Мысль о Михаиле незаметно подкралась и омрачила ее день, но Кира быстро ее прогнала: сейчас не время для меланхолии. Нужно успеть переодеться и проследовать на фуршет в свою честь. Кира продумала все заранее: платье, туфли, сумочка и украшения уже ждали ее в одной из комнат для преподавателей; там она могла переодеться и поправить макияж.

Уверенным движением Кира подвела брови, лишь слегка обозначив их линию. Консилер скрыл темные тени под глазами – те самые, что она в шутку называла «старческими». Пара взмахов тушью, легчайший слой пудры – и все. Никакой яркой помады – лишь капля бальзама на губы. Зеркало отразило собранное, ухоженное лицо без намека на яркий макияж. Подготовившись к приему, Кира направилась в конференц-зал.

Пространство зала дышало осенью – любимым временем года Киры. На высоких постаментах пылали рыжие георгины. Их бархатные лепестки отливали золотом под мяг-

ким светом люстр. На широких тарелках красовались спелые фрукты, сыр, ягоды. Неторопливые официанты предлагали гостям бокалы с игристым.

Кира, излучая спокойствие и уверенность, легко скользила между гостями, а администратор незаметно направлял поток людей, показывая каждому его место за столом. Крепкое рукопожатие, теплая, открытая улыбка, отточенные движения – Кира была в родной стихии: она была рождена блистать и дарить свое тепло окружающим. Но вдруг ее взгляд, скользнув мимо очередного знакомого лица, наткнулся на знакомую до боли фигуру в дверном проеме: Михаил...

На мгновение стало трудно дышать, однако опыт сотен публичных выступлений помог ей быстро собраться и вернуть ту самую неизменно приветливую улыбку. Не давая себе ни секунды на раздумье, Кира двинулась навстречу мужу, будто так и было задумано. Супружеский этикет необходимо было соблюдать. Она все еще была профессором Киной Дмитриевной, а он – ее супругом. Сор из избы не выносят.

– Кириша... – начал было Михаил.

– Все после, – коротко ответила она, все с той же улыбкой принимая букет из его рук.

«Я всегда после...» – с грустью подумал Михаил.

А тем временем ведущая мероприятия объявила выступление первого гостя. Один за другим декан, коллеги и студенты поднимались на сцену и благодарили Киру за ее пронзительные лекции, которые переворачивали сознание и воз-

вращали всех к ответственности за свою жизнь; благодарили за ее книги, ставшие многим настольными, за ее мудрость и силу, которая помогала верить в себя даже в периоды полного отчаяния. Кира слушала, и ее глаза блестели от слез благодарности, от щемящего чувства, что все это и есть ее жизнь, ради этого стоит просыпаться по утрам и продолжать делать то, что должно. А потом настала ее очередь подняться на сцену.

– Дорогие друзья! В первую очередь я хочу выразить свою благодарность за ваши теплые слова. Вы не представляете, насколько мне приятно их слышать! – Кира сделала короткую паузу, справилась с ощущением кома в горле и продолжила:

– Знаете, тридцать лет назад я не могла об этом мечтать. Двадцать лет назад я боялась признаться себе в том, что хочу такой известности. А сейчас принимаю ваши слова с благодарностью. Я всегда учила своих детей тому, как важно правильно выбирать себе окружение. Проведя десять лет в окружении талантливых и горящих жизнью людей, я в полной мере почувствовала это на себе. Благодарю каждого из вас за тот отпечаток, который вы оставили в моей душе!

Все присутствующие не сводили с Киры глаз. Михаил, стоявший перед самым входом, нервно теребил край пиджака. Он обливался потом и казалось, мелькает на глазах. Все отчетливее он понимал, кого потерял.

– Также я всегда говорила детям и всем моим студентам о

том, как важно быть гибкими. Всегда. Мне нравится английское слово *flexibility* – оно гибкое само по себе. – Профессор улыбнулась, и весь зал засмеялся. – И знаете что? Именно сейчас я в полной мере проявляю эту самую гибкость и поддаюсь очередному зову своей души. Мне очень хорошо и комфортно с вами, правда, но я ничего не могу с собой поделать. – Кира пожала плечами. – Знаю, что впереди меня ждет что-то волнительное, и я открыта этому. Каждого из вас тоже ждет впереди нечто волнительное и трогательное, – Кира посмотрела в зал так, что мурашки побежали у каждого, с кем она соприкоснулась взглядом, – если вы откроете свою душу и позволите ей говорить с вами. Сейчас я не буду с вами прощаться: буду рада видеть каждого из вас в Лондоне на презентации моей новой книги, которая запланирована в конце месяца практически сразу после презентации в Торонто. Возможно кто-то из вас ждал от меня мотивирующих речей в стиле «Давайте! Дерзайте! Верьте в себя, и у вас все получится!», но вы-то и сами знаете, что нужно делать. Дерзайте – и верьте в себя. Исполняйте свои самые смелые мечты! У вас все получится! – Профессор засмеялась, и весь зал тоже. – Действуйте смело, без оглядки, и всегда прислушивайтесь к своей душе – она точно знает, куда вас привести, – сказала Кира уже без тени смеха. – А еще помните о выборе, который мы делаем каждую секунду своей жизни. Выбирайте себя при любых обстоятельствах.

Зал разразился аплодисментами. Профессор под бурные

овации сошла со сцены, к ней начали подходить гости. Каждому она говорила что-то свое, отчего человек расплывался в улыбке и благодарил Киру.

Еще раз поблагодарив гостей, Кира попросила ее простить и, сославшись на легкую усталость, ушла с фуршета. Организаторы позаботились о том, чтобы гости не заскучали и в конце вечера получили памятные подарки.

Михаил догнал ее во дворе университета:

– Кира! Кира! Постой!

– Слушаю тебя, Миша.

– Кира, ты сегодня неотразима! – сказал он, подбирая слова.

– Спасибо.

– Кириша, может, посидим где-нибудь вместе, поговорим о нас? Мне многое нужно тебе сказать.

– Миш... – начала Кира.

– Прости меня! Ну прости дурака! – Видно было, что Михаил на грани отчаяния.

– Я тебя простила. Ты же меня знаешь! – устало сказала Кира. – Но сейчас мне нужно побыть одной. Простить и забыть – для меня не одно и то же. Мне нужно время, чтобы разобраться в себе и в наших отношениях.

– Кирочка, есть ли у меня шанс? Скажи, я умоляю тебя! – Михаил в отчаянии сложил руки на груди.

– Не знаю, Миша. Мне пора. Водитель ждет. День был изматывающим, а мне не восемнадцать, – едва улыбнулась она.

– Кира, дорогая, я все понимаю, но посмотри на меня. Тебе совсем меня не жаль? Я звоню тебе, пишу, пришел сюда поддержать и надеялся поговорить с тобой...

– Не устал еще жалеть себя?! – вдруг резко спросила она. – Всю жизнь я только и делаю, что подбадриваю тебя, успокаиваю, говорю, что ты справишься и у тебя все получится. И я не лукавила никогда! Я действительно так думала и думаю сейчас. Но, пожалуйста, перестань жалеть себя без конца и думать только о том, как спасти свою задницу! Это ты решился на измену. Да, в любой ситуации виноваты оба и бла-бла-бла, я психолог и все это знаю. Но выбор переспать с ней – и не единожды – ты делал осознанно. Ты мог прийти и поговорить со мной открыто: сказать, чего тебе не хватает в наших отношениях. Мы же умеем разговаривать открыто... – Голос Киры дрогнул.

– Да, умеем. – Михаил судорожно сглотнул комок, подступивший к горлу.

– Но ты этого не сделал... Ты повелся на длинные ноги, юное красивое тело и слепое обожание. О чем ты только думал? – в сердцах воскликнула Кира; в ее глазах блестели слезы.

– Кириша, пожалуйста, дай мне все исправить!

– А вот теперь ты, как обычно, пытаешься все исправить! Руки трясутся, спать по ночам не можешь, в голове постоянно прокручиваешь мысли о том, какой ты негодяй... Словно в агонии, мечешься и думаешь, как выкрутиться и на этот

раз. Как сделать так, чтобы я тебя простила и сделала вид, будто ничего не случилось. Не кажется тебе, что это уже слишком? Что я чертовски устала от подобных ситуаций за всю нашу совместную жизнь? Может, пора тебе окончательно повзрослеть и взять ответственность за поступки, которые ты совершаешь? И перестань себя жалеть, Миша! Выйди из позиции жертвы! Никто тебе ничего не должен, никто не против тебя. Мир открывает перед тобой все возможности, а ты сам захлопываешь двери там, где мог бы быть счастливым... А сейчас мне пора.

Миша попытался взять Киру за руку, но ее жест был красноречивее любых слов: «Не смей прикасаться ко мне».

– Подумай над моими словами, Миша... – устало сказала она.

– Кира, Кириша... Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?!

– Я же сказала: ты сделал выбор – теперь живи с его последствиями. Я сделаю свой. – Кира села в машину и захлопнула дверь.

Михаил смотрел ей в след.

«Что же я наделал...» – с горечью подумал он, только сейчас осознав, что произошло. Он увидел себя со стороны и понял, как больно сделал той, кого так сильно любил; сам разрушил все то, что они годами создавали и взращивали. И все ради чего? Ради секундного удовольствия? Ради того, чтобы потешить свое самолюбие, потому что на него запала

юная девушка?

Михаил не знал, что делать. Ему хотелось волком выть, в отчаянии бежать куда угодно, чтобы не думать, забыть, как страшный сон, все, что происходит с ним сейчас, отключиться и не чувствовать боли, безысходности и пустоты...

Михаил решил прогуляться по парку, подышать свежим воздухом. И речи не могло быть о том, чтобы вернуться в холодную пустую квартиру и заниматься самоистязательством, рассматривая фото Киры, детей и думая об их прошлой счастливой жизни.

Быстрым шагом он вышел за пределы университетской территории и пошел в сторону парка. По пути купил кофе, закурил. Сигареты помогали расслабиться – неизменные спутники его жизни. Кира как-то спросила, не хочет ли он бросить курить. Михаил был тогда твердо убежден: не хочет. Кира не возражала. Казалось, она даже не замечает его вредной привычки. «У каждого свои слабости, и каждый сам решает, когда наступает пора от них избавиться, – так она говорила и добавляла: – Если только это не вредит жизни других». Михаил не готов был расставаться с сигаретами. Вот и сейчас горечь табачного дыма возвращала его в реальность, вырывала из цепких лап тревожных мыслей.

«А что, если она не простит? Нет, такого не может быть... Это ведь Кира, Кириша – моя любимая Кириша, мой воробышек, которая всегда прощает».

Придя в парк, Михаил сел на скамейку неподалеку от пруд-

да. Пока стояла хорошая погода, здесь было многолюдно: молодые мамочки с детьми, влюбленные парочки, держащиеся за руки и томно глядящие друг другу в глаза, пожилые пары, мирно прогуливающиеся по дорожкам и поддерживающие друг друга под руку, одиноко сидящие люди, которые наблюдали за круговоротом жизни, неизбежно являясь его частью. Михаил следил за утками на пруду – их осталось совсем мало, почти все улетели. А те, что еще были здесь, спешно сбивались в стайки и готовились к отлету.

Телефон в кармане зажужжал. «Виктория» – высветилось на экране.

«Не хочу брать трубку. Мне нечего ей сказать», – подумал Михаил и сбросил вызов.

Через мгновение пришло эсэмэс: «Миша, я скучаю. Твоя Вика».

«Моя Вика? МОЯ?» – Михаил почувствовал, как внутри закипает ярость – злость на самого себя.

«Виктория, между нами все кончено. Прошу больше мне не писать и не звонить», – написал он в ответном эсэмэс.

Все. Кончено. Точка.

Михаил пошел по дорожке и выбросил в урну стаканчик от кофе. Его захлестывал гнев.

«Позвоню тренеру по боксу и договорюсь о встрече сегодня. Нужно выплеснуть энергию».

Да, он увлекался любительским боксом. Как-то в молодости Кира уговорила Михаила сходить на пробную тренировку.

ку, и ему так понравилось, что он втянулся и один-два раза в неделю в зависимости от загрузки в университете ходил тренироваться. Ближайшее занятие было запланировано на послезавтра, но ждать сил не было, и он надеялся, что тренер найдет в своем плотном графике окошко.

К счастью, тренер согласился, и уже через два часа Михаил выплескивал свой гнев, ярость и беспомощность, колотя по груше: удар за ударом, удар за ударом он неистово колошматил ее, не замечая, как перчатки впивались в костяшки, причиняя физическую боль, которая была ничем по сравнению с той внутренней болью, которая разрывала его сердце.

– Благодарю, дружище! Ты меня очень выручил, – отдышавшись, сказал он тренеру.

– Не за что, бро. Ты сегодня в ударе! Пиши, если что.

Они похлопали друг друга по плечу и разошлись.

Михаил принял душ и вернулся в пустую квартиру. Заказал себе пиццу на ужин и пошел спать на кровать, которая все еще хранила запах Киры, чтобы стать к ней хоть чуточку ближе.

* * *

Сразу после разговора с Мишей Кира поехала домой. Только там вздохнула с облегчением. Хотя она и любила свою работу и коллег, хоть фуршет и удался, все равно чувствовала дикую усталость и истощенность.

«Хочется лечь и ничего не делать, – подумала Кира. – Но в таком состоянии я не смогу уснуть. Тело ломит от напряжения, обострилась давняя проблема со спиной... Уточню, вдруг удастся попасть к остеопату сегодня».

Телесные практики, дыхательные практики, прогулки, йога – все это помогало Кире поддерживать себя в ресурсном состоянии. И сейчас она чувствовала, что будет здорово сначала попасть в волшебные руки Нелли, а потом просто расслабиться и полежать. Кира написала сообщение своему врачу, и та сразу согласилась принять ее.

«Спасибо, дорогая, скоро буду» – ответила Кира, переоделась в удобный спортивный костюм и попросила Брайана отвезти ее в центр.

– Привет, Нелли! – улыбнулась Кира остеопату. – Еще раз спасибо, что согласилась принять меня внеурочно.

– Кира, дорогая, о чем речь! Как тебя не принять! После нашей встречи моя жизнь кардинально изменилась. Тогда ты вдохновила меня на открытие своего центра, буквально вселила в меня уверенность в себе. Так что теперь я в какой-то степени твой должник.

– Никаких должников! – усмехнулась Кира. – Твои руки творят чудеса. К тому же ты всего добилась сама – я только подсветила твои страхи и сомнения и помогла с ними справиться. Тебе точно удобно меня принять?

– Да, точно-точно. У меня как раз окошко нарисовалось: пациент отменил встречу.

– Супер, – засмеялась Кира. – Пространство и тут мне помогло!

Она легла на кушетку, а Нелли зажгла ароматические свечи и включила расслабляющую музыку. Едва заметными прикосновениями остеопат сканировала тело Киры и устранила разбалансировку.

– Кира, в теле чувствуется накопленное напряжение, зажим. Так странно! Мы с тобой виделись две недели назад. Вот уж не думала, что тебя так скрутит...

– Да, это у меня зажим личных переживаний, – вздохнула Кира. – Хорошо, что заметила! Сейчас ты поработаешь с телом, а я дома – с сознанием.

– Хочешь рассказать, что случилось?

– Нет пока.

– Окей, максимально расслабься и просто доверься мне.

Нелли мягкими нежными прикосновениями устранила разбалансировку там, где позволило тело. Кира почувствовала облегчение и приятную сонливость.

– Как хорошо будет сейчас поспать! – улыбнулась она, встала с кушетки, рассчиталась и неспешно пошла к выходу. – Спасибо тебе, Нелли! Хорошего вечера!

– Береги себя!

Кира села в машину и попросила Брайана отвезти ее домой.

– Куда-нибудь еще нужно заехать? Чай, кофе взять?

– Нет, спасибо. Сейчас я хочу только спать.

Дорога домой заняла около часа, и за это время Кира успела подремать. Разбудил ее хруст камней под колесами машины: пш-ш-ш...

– Приехали, – тихо сказал Брайан.

– Благодарю, мой самый верный друг! – искренне сказала Кира и попрощалась с ним.

«Как хорошо вернуться домой!» – подумала она, приняла душ, выпила чашку мятного чая и уснула сладким сном.

9

Каждый раз перед встречей с новым клиентом, которого брала в терапию, Кира нервничала – чувствовала приятный мандраж и предвкушение от совместной работы. Ни она, ни клиент никогда заранее не знали, к чему конкретно приведет терапия. Улучшения, трансформация личности – да, но что именно и как это проявится в реальной жизни оставалось загадкой.

Уже много лет Кира не брала новых клиентов в терапию – не потому, что не любила такое сотворчество, а потому, что выбрала масштаб: ее личность требовала большего. Вот почему Кира отказалась от личного ведения клиентов и посвятила все свое время написанию книг, созданию курсов и обучающих программ. Для Колина она сделала исключение и, как и двадцать лет назад, была в приятном предвкушении.

– А вот и мой загородный дом, – сказала профессор, встречая Колина у порога. – Предлагаю в первую очередь удовлетворить простое человеческое любопытство и осмотреть дом, а потом перейти к беседе. Согласен?

Колин кивнул и с огромным интересом рассматривал убранство: все в доме было продумано до мелочей, максимально удобно для жизни и в то же время шикарно. Дом дышал атмосферой уюта и творчества: лаконичный дизайн мебели удивительным образом сочетался с вычурными эле-

ментами декора, которые подчеркивали творческую натуру хозяйки.

Взгляд Колина скользнул по каминной полке и задержался на массивном кожаном кресле с глубокой вмятиной посередине. Казалось, хозяин кресла встал только что, поэтому вмятина и не успела выровняться. На журнальном столике по правую руку в толстостенной пепельнице лежала недокуренная сигара – такие Колин видел только в фильмах о мафии. Сама эта мысль вызвала у него легкую улыбку: Михаила – мужа Киры – все в университете знали как деликатного и образованного человека, далекого от подобных дел. Рядом с пепельницей были небрежно брошены огромные дизайнерские спички с золотыми головками и гравировкой на соломке, а еще немного поодаль – курительная трубка. На стеклянной полке над камином в серебряной подставке лежала пара золотых запонок и часы *Rolex*.

Воздух в комнате был чуть гуще, и пахло здесь не только свежими цветами и чаем, но и едва уловимыми нотками табака и дорогого парфюма от *Dior*.

– Вау! Профессор, признаюсь: я в восторге! – Колин с восхищением посмотрел на Киру. – Здесь чувствуется ваш утонченный вкус, элегантность и роскошь.

– Благодарю, Колин! Все это я выбирала совместно с дизайнером и моим мужем Михаилом. И осталась довольна результатом. – Профессор почувствовала легкий укол где-то в груди, когда произнесла имя мужа, но отогнала эти мысли

прочь и продолжила: – Присаживайся в кресло. На столике чай и фрукты – все в твоём полном распоряжении. Колин, что ты чувствовал, когда ехал сегодня ко мне? – спросила она «в лоб».

Колин сел в удобное мягкое кресло и некоторое время сосредоточенно думал.

– Не ожидал этого вопроса... Но, признаться честно, было много смешанных чувств: одновременно интерес и воодушевление, ожидание – «Сейчас начнется что-то удивительное». Знаете, как бывает: просыпаешься гораздо раньше будильника, ходишь из угла в угол уже собранный в надежде скоротать время, которое, как назло, тянется вечно, и прокручиваешь в мыслях, что сказать, как себя вести – места себе не находишь. И, с другой стороны, я чуть не опоздал. Это удивительно, но сначала я не мог найти ключи от дома – перерыл всю прихожую, хотя знал, что они лежат в плетеном кашпо, и при этом будто их не видел. Потом простоял минут двадцать на остановке, хотя знаю расписание наизусть. Как назло, все проезжающие мимо автобусы были не мои. В общем, уже закралась мысль «А может, это знак?». – Колин сглотнул ком в горле.

– А что ты при этом чувствовал? Когда происходили эти события с задержками?

– Раздражение на самого себя. Я психовал, а в какой-то момент... – запнулся Колин.

– Да?

– В какой-то момент подумал: «Может, зря я всю эту работу затеял?» Нет, вы не подумайте, что я сожалею о своей просьбе! Я счастлив – действительно счастлив, – что вы согласились работать со мной. И вообще считаю это огромной честью. Но эта мысль преследовала меня до самого вашего дома. А еще то, что я злоупотребляю вашей добротой, что ли... – Колин потупил глаза и смотрел в пол, не смея взглянуть на профессора.

– Ну так это же прекрасно! – сказала она с легкой улыбкой. – Во-первых, Колин, я благодарю тебя за откровенность. Не думала, что ты сегодня в этом признаешься – признаешься в своем сопротивлении. Сопротивление перед началом чего-то нового есть всегда. Оно особенно сильно, когда намереваешься сделать что-то важное и поворотное в своей жизни. Я вообще думала, что ты сегодня не придешь.

Колин удивленно посмотрел на профессора.

– Не стоит так удивляться! – усмехнулась она. – Многие из тех, с кем я работала лично, сталкивались с серьезным сопротивлением перед нашими встречами: кто-то мог внезапно простудиться, кто-то устать так, что не находил в себе сил добраться, кто-то напрочь забывал о встрече. Пик сопротивления у тебя будет позже. Но я рада, что ты его уже отследил и набрался храбрости сказать мне все честно – как есть. Помни, что сопротивление будет с тобой всегда: оно как маячок того, что ты движешься в верном направлении. Равно как и твои страхи. Помнишь, что я говорила о страхах

на лекции?

– Да, профессор! Я запомнил дословно: *«Твои страхи – твои точки роста. Снова и снова преодолевая себя, ты достигаешь новых вершин и все большей соединенности со своим потенциалом. Посмотри, как красиво твое внутреннее солнце! Не дай своим страхам стать стражниками твоего потенциала»*, – процитировал Колин.

– Bravo! – засмеялась профессор. – И запомни еще одну очень важную вещь: *ты можешь все; нет преград, кроме внутренних, нет страхов, кроме иллюзорных. Ты больше, чем твои страхи*. А теперь давай выпьем чаю, и ты расскажешь мне все, что считаешь нужным сказать о себе. Я хочу познакомиться с тобой поближе, лучше узнать тебя и почувствовать, чем могу действительно тебе помочь.

Колин сделал глоток ароматного цветочного чая и начал свой рассказ:

– Я вырос в небогатой среднестатистической семье. Мама много работала, а папа много пил... – На мгновение Колин задумался, а потом спешно продолжил, как бы оправдываясь за сказанные слова: – Папа старался работать, конечно, но его отовсюду выгоняли за пьянки. Днем мама работала на заводе, а по вечерам подрабатывала, убираясь в квартирах. Я был старшим из пятерых детей: у меня три сестры и младший брат. – Колин вздохнул и продолжил: – Еда из банок – всегда готовые супы и бобы: до сих пор не могу есть лобио и

обхожу полки с консервами в магазине. – Он горько усмехнулся. – Запах дешевых консервированных бобов буквально въелся в засаленные стены нашей кухни. Помню, как перед школой принохивался к своей поношенной одежде, которая доставалась мне от соседа по лестничной клетке, и боялся, что и она пропахла этими бобами, потому что одежду, кроме как на веревках в кухне, больше сушить было негде.

Кира шумно вздохнула, вспоминая их с Мишей первую съемную квартиру на первом этаже без балкона: как им приходилось сушить многочисленные пеленки-распашонки и чепчики старшего сына на длинных веревках, протянутых с кухни до самого зала. И несмотря на то, что это было время сплошных финансовых ограничений и ущемления себя во всем, чтобы все лучшее отдать ребенку – оно же было и самым счастливым.

Колин замолчал, услышав вздох Киры, а она быстро собралась и вернулась вниманием к Колину, кивнув ему продолжать. Сегодня его время, а не для слезливых воспоминаний их с Мишей прошлого.

– Лучшим подарком на день рождения была пара новых ботинок, которые всегда покупались чуть-чуть на вырост, чтобы могли прослужить как минимум пару сезонов и передаться по наследству младшему брату. Помню, как не мог насытаться на эти туфли в первые дни: аккуратно брал их в руки, натирал до блеска тряпочкой и представлял, как однажды надену красивый костюм, новые ботинки и пойду в са-

мый лучший ресторан в городе... – Колин замолчал, сглатывая ком горьких воспоминаний. – Отец всегда говорил мне, что я кормилец, раз уж меня угораздило родиться старшим. Поэтому подрабатывать я начал в двенадцать лет: разносчик газет, доставщик пиццы. – Колин усмехнулся. – Удивительно, но я любил это время: отец думал, что подработка – наказание для меня, а я обожал мчаться на велосипеде с коробкой пиццы на багажнике или охапкой газет: разгоняешься во всю мощь до боли в икрах, а потом резко тормозишь... – В уголках глаз Колина блеснули озорные искры. – Бывало, падал, конечно. Но самым приятным во всем этом были чаевые! Ух, как я любил в конце дня посчитать, сколько успел заработать! – Колин вмиг стал серьезным: – Иногда помогал маме с клинингом, когда она плохо себя чувствовала или сильно уставала. Не было у нее помощника кроме меня, понимаете? – Он посмотрел на Киру, которая кивнула в знак согласия.

Она немного подалась вперед и положила свою руку на подлокотник кресла Колина – не дотрагивалась до него, но словно создавала опору.

Колин с облегчением вздохнул и продолжил:

– Учебы в начальной школе я не помню, но в старших классах учился хорошо, потому что решил во что бы то ни стало поступить в университет.

– О, расскажи подробнее, как ты к этому решению пришел! – попросила профессор.

Колин кивнул.

– В седьмом классе меня взяли на соревнования по футболу: у нас тогда из трех школ собрали сборную команду, и мы все поехали на матч на общем автобусе. Там я познакомился с Трэвисом – мальчиком из богатой семьи, одни кроссовки которого стоили в три раза больше всей моей одежды и школьной сумки в придачу. Так вот, он рассказал мне про свои дальнейшие планы на жизнь – учебу в Стэнфорде. Как сейчас помню его серьезный вид и рассуждения на эту тему, – усмехнулся Колин. – А еще как я исходил слюной, видя, как он ест свой бутерброд с хамоном и сыром с плесенью, который родители положили ему на перекус. Тогда я впервые попробовал такой сыр – он угостил, видя, как я не свожу с сэндвича глаз, но мне не понравилось; я и сейчас его не люблю. – Колин словно вернулся в тот день. – А, так я отвлекся! Так вот Трэвис уже тогда думал о будущей карьере юриста, престижной работе и жене-модели. Родители пообещали ему это с условием, что он хорошо закончит школу. Так у него появилась мечта. Это теперь я понимаю, что это была мечта его родителей, а не самого Трэвиса – хотя про жену-модель он мог и сам придумать, – усмехнулся Колин. – Помню, как был поражен: в голове мелькали картинки: дорогие костюмы, новые туфли, вкусная еда, деньги... А на вопрос Трэвиса, каковы мои планы относительно будущего, я стыдливо молчал. Мне попросту нечего было сказать: я понял, что планов у меня нет. Трэвис рассказал мне, как устроена про-

цедура поступления в университет. Тщательно пережевывая свой бутерброд и запивая колой, он сказал: «Мой папа говорит: хочешь добиться успеха и много зарабатывать – учись в Стэнфорде!» В тот момент я вспомнил своих родителей и нашу вечную нехватку денег: как мама считала каждую копейку и раскладывала деньги по кучкам: на оплату квартиры, на сигареты отцу, на еду и на прочие расходы типа одежды и обуви, но на это «прочее», как правило, денег не оставалось, потому что отец находил все тайники мамы и пропивал то, что там было... – Колин тяжело вздохнул и сделал глоток чая. – А еще я вспомнил постоянную усталость мамы и ее жилистые руки, которые подрагивали по вечерам после тяжелого рабочего дня. Мои родители не были образованными, как у Трэвиса, и попросту выживали, как могли. Тогда я сказал себе, что непременно буду учиться в университете. В этом я видел свой выход из бедности...

Колин поднял голову и посмотрел на Киру. Она излучала принятие – было в ее взгляде что-то, что буквально обволакивало теплом и обнимало. Воодушевленный, Колин продолжил:

– Когда я вернулся домой, то рассказал маме о своем плане: отучусь в университете, заработаю много денег и куплю для нас новый дом и просторную машину, в которую мы все поместимся за раз. Мама сначала засмеялась – таким сухим, обрывистым смехом, а потом вмиг обмякла, закрыла лицо руками и затряслась от плача. Я с трудом разбирал слова, но

главное знал и сам: денег на учебу у нас нет. Тогда я впервые настолько отчетливо увидел ее руки: не просто жилистые, а совсем старенькие – с распухшими суставами, а ведь ей и сорока не было... Ух, – Колин выдохнул и сделал глоток чая, – не думал, что воспоминания будут такими тяжелыми.

Он встал, подошел к окну и какое-то время молча смотрел на осенний сад, потом вернулся в свое кресло и продолжил:

– Мне было жаль маму. Мне кажется, в тот самый момент я вырос и решил: во что бы то ни стало вытащу ее из безрадостной, полной тяжелого, беспросветного труда жизни. У учителя истории в школе я спросил, как еще можно поступить в университет, кроме того, чтобы заплатить деньги. Он серьезно на меня посмотрел и ответил: «Выиграть грант на обучение». С тех пор началась моя настоящая учеба. О, как много всего я изучал! – усмехнулся Колин. – Помимо основных уроков, пропадал в библиотеке каждую свободную минуту и всегда читал перед сном не любимые мной романы Стивена Кинга, а учебники. Я участвовал во всех олимпиадах от школы, ходил на все бесплатные дополнительные задания... И в конечном итоге я здесь – студент психологического факультета Кембриджского университета. – Колин произнес это несколько иронично и в то же время грустно.

Профессор внимательно слушала его и помечала что-то в своем блокноте. Колин впервые увидел, как Кира пишет что-то пером. Он вообще впервые видел, как в наше время пишут пером, удивился, но ничего не спросил и продолжил:

– Сейчас я получаю стипендию и в свободные вечера подрабатываю официантом в баре. Зарплата небольшая, зато чаевые приличные, если повезет. Часть денег отправляю маме. Она мной гордится. – Колин слегка улыбнулся, говоря о маме.

– А папа? – спросила Кира.

– Папа умер, когда я был в восьмом классе: несчастный случай на стройке.

– Прости, я не знала, – сказала профессор.

– Ничего страшного. Мы с ним никогда не были по-настоящему близки. К тому же, как бы это дико не звучало, произошедшее с ним посчитали несчастным случаем на производстве и маме выплатили приличную страховку. Она положила эти деньги на банковский вклад и теперь не убирает квартиры по вечерам. – Колин шумно выдохнул.

– А почему из всех факультетов ты выбрал психологический? Почему не стал изучать экономику, например?

– О, тут в какой-то степени есть и ваша заслуга, – засмеялся Колин.

– Моя? – удивилась профессор. – А вот теперь прошу подробнее.

– Да-да! Однажды я случайно услышал, как две женщины в библиотеке обсуждали вашу первую книгу. Их разговор так меня заинтриговал, что я ее прочел. Много из нее я тогда не понял. Возможно, и сейчас не все пойму, если перечитаю. Но она вдохновляет идти за своей мечтой! И из нее же я понял,

что психология помогла вам выбиться в люди, разобраться с собственными проблемами и переживаниями.

– Выбиться в люди... – повторила Кира, и в ее глазах мелькнула понимающая улыбка. – Да, пожалуй, это так и есть. Психология открыла для меня многие двери. Колин, расскажи мне про живопись. Ты пишешь картины сейчас?

– Рисовать я любил с детства. Это был мой способ расслабиться, помимо игры в футбол. Бывало, после того, как наругает отец, я запирался в комнате, доставал лист бумаги и карандаши и что-то рисовал.

– Что ты при этом чувствовал? – спросила профессор.

– Не могу сказать точно... Успокоение приходило... Да, обида как будто растворялась, и я забывал обо всем – на время. Я словно улетал в другой мир.

Профессор сделала пометки и махнула Колину, чтобы продолжал.

– Отец никогда не поддерживал мою страсть к рисованию. Он говорил, что это занятие для изнеженных слабаков, а я должен стать настоящим мужиком. Мама относилась нейтрально: не критиковала, но и особо не поддерживала. Мне кажется, она просто не хотела вникать и не понимала, зачем нужно рисование: у нас в семье никто таким не увлекался. В начальных классах я даже ходил в художественную школу, но только до тех пор, пока занятия там были бесплатными. А когда это хобби потребовало вложений – покупки холстов, кистей, красок, оплаты занятий с преподавателем, – я ходить

перестал.

– А что с живописью сейчас? – уточнила Кира.

– Иногда рисую. На занятиях особенно, – засмеялся Колин. – Порой так и тянет взять в руки кисть или карандаш! Я люблю живопись и графику. Рисую не каждый день, но картин уже скопилось достаточно. Времени не хватает, – как бы оправдываясь, сказал Колин.

– Или недостаточно сильная мотивация... – сказала профессор.

– Простите, что? Я не расслышал.

– Я сказала, что, скорее всего, дело не в отсутствии времени – хотя понимаю, что, кроме учебы, ты еще работаешь, – а в недостаточности мотивации и понимания, зачем тебе вообще писать картины. Но твою истинную мотивацию мы нащупаем в результате наших встреч. А теперь скажи мне: законченные картины у тебя есть?

– Да. Часть из них лежит на чердаке у мамы дома, часть – в съемной квартире: год назад я съехал из общежития и снял квартиру, некоторые картины раздарил друзьям.

– Я правильно понимаю, что ты нигде их не выставлял?

– Нет, конечно, – спешно ответил Колин. – Мне сложно назвать их законченными в том смысле, как я это понимаю.

– А ты показывал то, что уже создал, кому-то из художников, чтобы дали тебе обратную связь?

– Только однажды: отец моего друга увлекается живописью, знаком с некоторыми художниками и показал кому-то

картину, которую я подарил другу.

– И какой же отзыв ты получил? – с нетерпением задала вопрос профессор.

– Что-то о том, что картина излучает свет и мне стоит продолжать писать, а еще стоит подтянуть технику.

Кира на несколько секунд замолчала, полностью погрузившись в свои мысли. Взгляд ее скользнул по стене, где висела репродукция работы Леонардо Да Винчи, и в ее глазах вспыхнула искра:

– Отлично! Я уже знаю, где пройдет наша следующая встреча. – Кира явно была очень довольна пришедшей ей на ум идеей.

– Где? – спросил Колин.

– В выставочном зале. Но не в классическом понимании этого слова, а на загородной вилле. На следующей неделе один из моих друзей – он художник – проводит закрытую выставку своих работ. Пока только для «своих». Он около года путешествовал и, вдохновленный океаном, написал серию картин «Эмоции». Сам недавно вернулся и хочет представить ее своему близкому окружению, так сказать, в камерной обстановке. Пойдем вместе. Я предварительно напишу ему и попрошу посмотреть парочку твоих работ. Если он согласится, возьмешь их с собой? Хочу, чтобы он высказал свое мнение.

– Профессор, мне как-то неудобно – выставка же только для своих...

– О, не стоит переживать по этому поводу! Для Николая «свои» – это добрая сотня людей, поэтому пристального внимания к себе ты точно не привлечешь. К тому же, у меня пригласительный на две персоны, так что, если ты не трусишь, пойдем вместе. – Профессор улыбнулась.

– Я согласен! Ух, как волнительно! А Николая – это тот самый Николая, чьи картины высоко ценит королевская семья? И вообще тот, о ком я думаю?

– Да-да, именно он.

– Вау! – только и смог вымолвить Колин.

Он сделал глоток чая, пытаясь прийти в себя, а Кира как ни в чем не бывало продолжила:

– Пойдем, я покажу тебе свой рабочий кабинет – он же библиотека: там висят две картины Николая. Посмотришь, какие полотна есть в моей личной коллекции.

– С удовольствием!

Кира показала Колину библиотеку, свой рабочий стол и картины Николая «Закат» и «Шторм».

– Что скажешь о них, Колин? – спросила она, наблюдая, как ее студент замороженно рассматривает эти работы.

– Они невероятные! Такие... живые, что ли. Я словно сижу на берегу реки на закате – настолько реалистично и живо передано настроение.

– Да, согласна с тобой. Это мой критерий отбора живописи: полотно должно дышать. А теперь пойдем пить кофе с кардамоном, и ты задашь мне свой первый вопрос. Ты

ведь хотел выведать все мои тайны, тщательно скрываемые от глаз широкой публики?

Профессор и Колин рассмеялись и вернулись в гостиную. Кира принесла новые чашки и кофейник с ароматным напитком.

– Любишь такой кофе?

– О, ни разу не пробовал. Вы открываете для меня новые вкусы! До сих пор помню тыквенное пирожное, – засмеялся Колин.

– Надеюсь, вспоминаешь как взрыв блаженства? – засмеялась профессор. Очень рекомендую к кофе взять вон те орехи в золотой глазури. Не бойся, тыквы там нет, – не удержалась от шутки Кира и подала Колину вазу с орехами.

Сделав глоток обжигающего напитка, Колин спросил:

– Как вам вообще удалось... – было видно, что Колин стесняется и очень деликатно подбирает слова, – стать всемирно известным писателем и преподавателем, имея такую историю за плечами?

– Не смущайся, Колин, и называй вещи своими именами: как из заикающейся, неуверенной в себе, ненавидящей себя девочки появился известный психолог, читающий лекции в лучших вузах мира? Парадоксально звучит, да?

Он согласно кивнул.

– Мой путь – это путь преодоления своих страхов, всегда и во всем. Ощущение внутренней ничтожности было мо-

ей движущей силой. Я шла вопреки, наперекор, желая доказать всему свету и в первую очередь самой себе, что достойна любви. Я до такой степени ненавидела себя, что искала признания и любви от окружающих. – Кира замолчала, сделала глоток кофе и отрешенно посмотрела в окно. Казалось, она вернулась в далекое прошлое. – Как сейчас помню: мне шестнадцать, я стою в ванной у зеркала и прижигаю каким-то дешевым аптечным раствором подростковые прыщи. Я смотрю на свое отражение в зеркале и сквозь зубы шепчу: «Ненавижу тебя, НЕ-НА-ВИ-ЖУ!» В порыве злости хотелось швырнуть баночку с ненавистным раствором в зеркало, чтобы все разлетелось вдребезги, но я вовремя остановила себя: родители не поймут. И в тот же миг новая идея пришла мне в голову: доказать, что я достойна. Во что бы то ни стало.

Кира тяжело вздохнула и посмотрела на Колина. С трудом скрывая волнение дрожащей рукой он взял чашку чая и сделал глоток теплого напитка.

– Знакомо, да? – кивнула в его сторону Кира.

– Угу, – выдавил он.

Прикрыв глаза, Кира продолжила:

– Я всегда считала, что любить можно только за что-то, поэтому старалась стать лучшей. В те годы слова «любить и принимать себя» я приравнивала к эгоизму, и они были для меня пустым звуком. Я умела быть гордой и неприступной, настойчивой и целеустремленной, упрямой и даже упертой,

несгибаемой, но совсем не умела любить себя. – Кира ухмыльнулась. – И если в школе по общепринятым меркам я была гадким утенком, то в университете расцвела – и не только внешне, – продолжила Кира, – мой голос зазвучал ярко и красиво. С таким же рвением, с каким не хотела отвечать на уроках литературы в школе, здесь я всегда была первой, кто высказывал свое мнение на английском языке на всех занятиях.

Увидев недоуменный взгляд Колина, Кира спросила:

– Я упоминала, что по первому образованию я преподаватель английского языка?

Колин отрицательно покачал головой, развел руки в стороны и сказал:

– Как такое бывает?

Он не мог подобрать слов, чтобы выразить удивление: как вот так по щелчку проходит заикание и появляется совсем другая личность.

– Спокойно, Колин, сейчас все поясню – улыбнулась Кира. Иностраный язык стал для меня своеобразной защитой – тем щитом, которым я заслонялась от мира. Я примеряла на себя другой образ – словно надевала карнавальную маску или вторую кожу и становилась другим человеком. Мой голос звучал уверенно и громко, плечи расправлялись. Я могла позволить себе быть дерзкой и остроумной, заметной – той, кем боялась быть на русском. И так стала одной из лучших в группе. – Кира посмотрела на Колина: – В какой-то

степени мне удалось доказать всем, что я достойна: я получила диплом с отличием и предложение преподавать в университете, но отказалась, потому что не видела себя в роли преподавателя ни в школе, ни в университете. Пути Господни неисповедимы, да? – смеясь проговорила профессор. – На тот момент я четко знала, кем НЕ хочу быть: учителем. Но совсем не знала, кем хочу стать, когда вырасту, – мягко улыбнулась профессор. – В детстве все кажется таким простым... Но не будем об этом.

– Зачем же вы получали педагогическое образование, если изначально не планировали быть учителем?

– Отличный вопрос, Колин! – засмеялась профессор. – Имей я тогда ответ, возможно, все сложилось бы иначе. В выпускном классе царила всеобщая эйфория от предстоящего выбора, а я лишь чувствовала тяжесть на плечах. Все вокруг говорили о будущих профессиях, но я не могла ответить на простой вопрос: «А ты куда?» Не было сомнений только в одном: я хотела получить высшее образование. Идти работать сразу после школы казалось мне провалом. В итоге я пошла путем наименьшего сопротивления: выбрала пединститут. Рассудила, что поступить туда проще. Я прекрасно понимала, что педагог из меня выйдет никудышный: куда мне учить других, если я сама боюсь произнести хоть слово? Но это был мой единственный, как мне тогда казалось, шанс избежать позора и не остаться ни с чем. Я больше не могла давать им повод для насмешек. – Тень прошлой боли мелькну-

ла на лице Киры, но тут же исчезла за ее улыбкой: – Это сейчас я понимаю, что никому нет дела до других – по большому счету: люди эгоистичны и зациклены на себе. Но из той клоаки неуверенности в себе мир казался мне враждебным и недружелюбным, как будто только и ждал, когда я оступлюсь. Я не хотела давать ему ни единого шанса насмеяться надо мной... Поэтому решила стать учителем английского языка, который всегда хорошо давался мне в школе. Это был первый серьезный выбор, который я сделала в своей жизни. И первая серьезная проверка моей настойчивости, потому что решить, кем стать, – полдела, а сдать экзамены и получить высокий балл, которого будет достаточно для бесплатного обучения, – это челлендж. Денег было ровно на одно часовое занятие с репетитором в неделю, все остальное – самостоятельная зубрежка. Я засыпала и просыпалась с учебниками в руках. Я выходила на улицу раз в неделю, чтобы дойти до репетитора. Это была не учеба, а одержимость. Я сдала экзамен на высший балл не потому, что была гением, а потому, что другого выхода у меня не было. Провал был бы равен смерти. Я и так была никому не интересной заикой, но еще и завалить вступительные экзамены? Ну уж нет! В тот момент стыд и был моей мотивирующей силой. Как сейчас принято говорить в психологии, из состояния «минуса» – полной внутренней ничтожности и никчемности – я хотела доказать всем, что чего-то стою и ничуть не хуже других.

– И у вас это получилось, – вымолвил Колин.

– Да, – улыбнулась Кира. Она налила себе еще кофе и сделала глоток.

– Получается, что английский язык как бы исцелил вас и вы перестали заикаться? – спросил Колин.

– Не совсем так: мне было легко говорить на английском, но все так же сложно на русском, поэтому я оставалась немногословной. – Кира засмеялась, а потом продолжила уже серьезно: – Постоянного заикания у меня не было. В школе, где все было построено на оценках и сравнении, только моя неуверенность заставляла меня заикаться. А дома, в относительной безопасности, этого почти не происходило.

– Так интересно! Я еще про такие случаи не слышал.

– Да, Колин. *Внешнее – всегда отражение внутреннего*. Посмотри на неуверенных в себе красавиц и уверенных в себе дурнушек: разница во внутреннем состоянии. А чтобы окончательно справиться с заиканием, мне потребовалось погрузиться в психологию. Именно там я нашла инструменты.

– А что конкретно вы делали? Аффирмации, медитации, какие-то техники? Что? И сколько лет ушло на процесс исцеления?

– Конкретно я много лет назад благодаря своему духовному учителю познакомилась с новой на тот момент быстрой психологической техникой. За столько лет она претерпела множество изменений, но суть осталась прежней: за каждым нашим страхом и переживанием стоит ключевая уязвимость

– будь то боль, чувство ничтожности и дальше по списку. Но сейчас не об этом. Наше тело помнит и хранит в себе все. Еще Зигмунд Фрейд сказал, что все идет из детства, но если тебе не чужды эзотерические знания и постулаты, то не только травмы детства помнит наше тело. И суть в том, чтобы почувствовать, какая ключевая уязвимость стоит за травмой, и исцелить ее. Я непременно проведу с тобой такую психологическую сессию, и ты все почувствуешь на себе, – сказала Кира, уловив непонимание в глазах Колина. – Вот благодаря таким сессиям и совершаемым действиям после них, я исцелилась от заикания и вообще, как ты говорил, выбилась в люди.

Профессор и Колин посмеялись, и она продолжила:

– Действия – это ключевое. Какое-то время назад было модно рисовать карты желаний. Я не против этого инструмента – только с одним важным «но»: нужно не только почувствовать, чего ты хочешь, и создать свою карту; самое важное – начать действовать. Карта – это своего рода стратегия, цели или мечты, к которым ты хочешь прийти, а тактика заключается в том, какое запускающее действие ты сделаешь прямо сейчас для реализации всего, что задумал. – Кира видела, что Колин внимает каждому ее слову, и продолжила: – Ты не хуже меня знаешь, что сейчас существует огромное количество психологических техник для помощи себе и другим. Есть приверженцы традиционной классической психологии с долгими беседами, есть сторонники быстрых транс-

формационных техник. Я за быстрые изменения – мне лень долго ждать.

Колин согласно кивнул и спросил:

– На одной из лекций вы сказали очень интересную вещь. Я записал себе ее и заучил. Не могли бы вы ее раскрыть подробнее?

Кира посмотрела на него и улыбнулась:

– Ты меня балуешь моими цитатами. Рассказывай!

– Вы сказали: **«Чтобы взмыть ввысь, нужно отбросить все то, что тянет вниз, все отжившее и ненужное из старого мира. Красивое парение в новой галактике, в твоей новой вселенной начинается там, где ты поднимаешься над своими страхами, доверяешь потоку и течению, которое тебя несет».**

– А, ну да, так и есть. Можно сколько угодно цепляться за стабильность и то, что кажется правильным, но если душа просит иного, то кто мы такие, чтобы сопротивляться? **Твои страхи могут стать точкой роста, а могут – балластом, который тянет вниз и не дает взмыть ввысь.**

– Прошу, приведите пример! – попросил Колин. – Я не могу понять...

– Конечно! Подумай, сколько людей не могут решиться уйти с нелюбимой работы из-за страха, что в другом месте будет еще хуже, из-за привычки находиться в зоне комфорта, которая фактически некомфортна. Подробнее об этом мы поговорим позже. – Кира сделала глоток воды и продолжи-

ла: – Посмотри на меня сейчас: я оставляю преподавательскую карьеру, возможно, навсегда, а ведь мне все это чертовски нравится! Но в моем случае сейчас уже нет страха – есть доверие несущему меня вперед потоку. Я чувствую, что преподавание на данном этапе – тот балласт, который удерживает меня. И что я делаю? Ухожу, хотя люблю свою работу. Я понимаю, что сейчас нужна пауза, потому что моя душа выбрала иной путь, она хочет показать мне что-то еще, привести к чему-то новому. Это не значит, что я обрубаю все связи, все контакты, бросаю семью, друзей и кидаюсь в омут с головой – в новый опыт. Это значит, что я почувствовала: нужна пауза в работе, я отдаю ей слишком много времени, и она стала для меня зоной комфорта.

– А вы ведь не всегда преподавали... – задумчиво протянул Колин, казалось, он впитывает информацию и раскладывает ее по полочкам внутри себя. – То есть когда-то чтобы стать преподавателем вы тоже от чего-то отказались, верно?

– Абсолютно! Лет десять назад пойти в преподавание было для меня челленджем: у меня был налажен быт, работа, много личных и групповых клиентов – меня все устраивало, но что-то внутри подсказывало, что пора двигаться вперед. Душа подталкивала меня к получению нового опыта, я была к нему уже готова. Как птица срывается с насиженного места, так и я лечу сейчас дальше, вперед, не зная, есть ли у меня шанс вернуться обратно и захочу ли.

– А что, если вдруг слышишь, как вы говорите, зов души,

но не идешь за ним? Страшно или просто не хочется. А может, потому что нравится все, как есть сейчас. Я много читал про зону комфорта – из нее сложно выйти.

– Разные бывают ситуации и исходы... Кому-то зов души настойчиво приходит не один раз и так и сяк намекает, даже прямо показывает, куда идти, – так, что человек все-таки решается и круто меняет свою жизнь. У кого-то начинают сыпаться дела, рушиться бизнес, возникают проблемы с жильем и так далее. Кого-то сильно бьет по здоровью: меня, например, – улыбнулась профессор. – Я та еще упрямица! Моя первая книга была написана, когда я лежала с прострелом в спине: я долго отнекивалась от нее, подступалась к написанию время от времени, потом бросала, заполняя свой день более важными, как мне казалось в тот момент, делами. И так происходило до тех пор, пока меня буквально не уложили, тем самым указав: хватит уже бегать – лежи и пиши. Так родился сюжет моей первой книги. – Кира усмехнулась, вспомнив тот опыт. – Есть те, кто не слышит зов своей души, живут шаблонно. Это тоже их опыт и такой уровень развития души в данный момент. Но если ты слышишь зов, значит, уровень развития твоей души уже достаточный – поэтому реализуй его. – Профессор посмотрела Колину в глаза: – Ты хочешь стать художником. Что для этого ты делаешь?

– Наверное, ничего решительного... Пишу время от времени. Иногда мне кажется, что эта моя мечта граничит со слабоумием. Ну какой из меня художник? Два года детской

художественной школы?

– Слабоумие и отвага всегда ходят рука об руку. – Колин удивленно приподнял брови, а Кира продолжила: – Подумай только, сколько нужно отваги, решимости – или все же это слабоумие – чтобы уйти со стабильной высокооплачиваемой работы в никуда? Или чтобы уйти с детьми от нелюбимого мужчины без шанса быть принятой обратно? – Кира озвучивала все новые и новые примеры, видя, как Колин буквально ловит инсайты: – Чтобы опять начать свой путь с нуля, хотя бесконечно любишь то, чем занимаешься? Но ты чувствуешь зов своей души, никем не понятный отклик... Чтобы начинать свой путь без поддержки близких, а лишь с опорой на самого себя, никогда не зная заранее, к чему все это приведет? Чтобы снова и снова, вопреки глубоко сидящему внутри чувству тотальной ничтожности, покорять новые вершины, становиться все более проявленным и значимым в нашем мире? – Кира выдохнула: – Это не слабоумие, Колин. Только если самую малость... Это зов твоей души и твоя смелость признаться себе в этом, услышать его и не отбросить в сторону как незначимый и пустой звук. ***Смелость признаться себе в чем-то дорогого стоит.***

Колин задумался и спросил у профессора:

– Как вы решились написать свою первую книгу? Я знаю, что вы написали ее в сорок лет. Вы захотели передать свои знания и опыт?

– В том числе. Это был долгий путь сопротивления, со-

мнений, страхов и отказа верить в то, что мне нужно. Я сравнивала себя с великими писателями, чувствовала свою ничтожность и незначительность на их фоне и, конечно, считала себя «тварью дрожащей», не имеющей права писать.

– Как знакомо... – прошептал Колин. – И как вы побороли это состояние собственной ничтожности?

– Я работала с психологом, а еще исследовала все подряд, пытаясь найти опору вовне, пока не поняла, что главный ответ внутри. – Кира усмехнулась: – Порой я просто шла напролом. «Пять минут позора, и все закончится», – так мы успокаивали себя в студенчестве, когда до дрожи в коленях боялись защиты диплома. Я вспоминала эту фразу и делала то, что должно, – то, что уже не могла не делать, потому что это шло из меня. – Кира замолчала; ее взгляд уперся в окно, но она видела не сад, а что-то внутри себя. – В один миг меня словно током прошибло. Я осознала ключевую мысль, которая расставила все по своим местам: «Если воспоминания облачить в слова, они станут бессмертными. А если писать в стол, то они канут в Лету вместе с тобой. И все, через что ты прошла, не будет иметь никакого смысла». Я почувствовала, как легкий холодок пробежал по спине и поняла, что пишу не для себя: моя книга – маяк, мой вклад в исцеление мира. И я точно знаю, что кому-то очень важно прочесть эти слова и пройти свой путь, понимая, что все не безнадежно, что нет гадких утят и прекрасных лебедей, а есть только те, кем мы себя считаем; что можно достичь всего, чего хочешь, и сде-

лать это в ладу с собой, в гармонии с окружающим миром; можно служить миру и людям из изобилия – той любви, которая есть в каждом из нас. И пусть я пишу не как великие писатели всех времен и народов, а как умею, мои слова найдут отклик в душах тех, кому важно их услышать, и я передам те смыслы, которые через меня идут... *Один из смыслов жизни для меня в том, чтобы зажечь внутренний огонь в другом человеке, – быть для кого-то путеводной звездой.* Если хоть один человек после соприкосновения со мной и моим творчеством задумается о вечном, переосмыслит свою жизнь, найдет свою цель и свой путь, значит, я все делаю не зря. И так я стала писать.

Колин с восхищением смотрел на профессора:

– Вот так вы нашли свою миссию вдохновлять других людей!

– Да, и еще исцелять словом, потому что слово – до сих пор недооцененный ресурс: не все понимают его настоящую силу и влияние.

– Как это все интересно! – воскликнул Колин. – Профессор, а как мне найти свою миссию? Чем я могу быть полезен миру?

– Это отличный вопрос, на который – уверяю тебя – ты найдешь ответ сам. Но не торопи события, дай себе почувствовать сердцем, – сказала профессор.

Они закончили беседу, Кира попросила водителя отвезти Колина домой.

Колин попросил водителя остановиться у парка, чтобы прогуляться и еще раз обдумать все, о чем они говорили.

Колин вспоминал, как несколько лет назад прочитал ее первую книгу и был настолько впечатлен, что решил не просто стать психологом, но и во что бы то ни стало познакомиться с Кирой или хотя бы вживую увидеть эту женщину. И вот сейчас она мало того что преподает ему психологию, так еще и лично работает с ним!

Колин шел, не замечая ни яркости осенних деревьев, ни вычурных силуэтов зданий – все его мысли были поглощены Кирой: ее цитатами, интонациями, ее голосом и жестами. И вдруг он почувствовал, что его нестерпимо тянет рисовать, как будто кисть сама просится в руки.

Колин быстро вернулся домой, достал холст и краски. Он не хотел писать что-то конкретное – чувствовал, что рука сама выведет нужные линии, и доверился творческому потоку. Пока он рисовал, в голове всплывали обрывки их с Кирой разговора о доверии потоку и зову своей души, о том, что внешнее – всегда отражение внутреннего. И Колин писал без остановки, без усталости – так отчаянно и неистово, как будто от этого зависела вся его жизнь. Мазок за мазком, линия за линией, в какой-то момент он понял, что с силой сжимает кисть и отбросил ее в сторону. Остались только его руки и

краски.

Сначала ум сопротивлялся: «Писать руками? Да ты с ума сошел!» Но истинный творческий поток сметает все внутренние барьеры и ограничения, все «как надо» и «как правильно» – и нужно просто отдаться внутреннему порыву, импульсу.

Колин сдался и начал писать пальцами: сначала робко и неуверенно, словно знакомясь с красками, потом все смелее и яростнее. Пальцами он чувствовал «характер» краски: красная обжигала своей страстью, синяя освежала и отрезвляла, голубая окутывала нежностью...

Закончив писать, он выдохнул, посмотрел на часы и с удивлением обнаружил, что уже за полночь. Колин рисовал пять часов к ряду! Он посмотрел на картину и улыбнулся: впервые был настолько доволен своей работой.

На холсте бушевало море – не грозное, но мощное, живое, дышащее, а еще – разное. Где-то на самом горизонте в почти призрачном мазке угадывался силуэт маяка – крошечная точка света, не подчиненная стихии, а направляющая ее.

– *Доверие потоку*, – прошептал Колин, понимая, что нарисовал не просто пейзаж. Он, сам того не ведая, отразил то, что было у него на душе: спокойствие, переходящее в легкое волнение, и трепет от предстоящих кардинальных перемен – его личной бури.

Он подумал о скорой встрече с Николая и почувствовал, как вспотели ладони. Колин ждал этой встречи с нетерпением.

ем и страхом. Желание познакомиться с Николая – всемирно известным художником с большой буквы – боролось в нем со жгучим стыдом: «А кто я такой? Всего лишь любитель...»

Легкая усталость от многочасового стояния у мольберта и насыщенного дня дали о себе знать, и Колин заснул.

Наутро он встал бодрым и отдохнувшим, полным решимости следовать всем указаниям Киры, чувствуя, что именно она может стать тем самым ключиком к его новой жизни. Ему было страшно, но очень интересно.

Сразу после того как Колин ушел, Кира пошла в свой кабинет, чтобы зафиксировать мысли, которые пришли ей в голову во время встречи, и примерный план их дальнейшей работы. Примерный – потому что в работе, кроме применения понятных и проверенных психологических техник, она доверялась своей интуиции и оставляла люфт для неожиданно приходящих идей.

Кира села за стол и погрузилась в свои мысли: «Колин... Как бы я его описала?» Четким, твердым почерком она вывела в блокноте: «Сочетание высокой чувствительности и волевого напора, граничащего с отчаянием. Внешняя робость конфликтует с внутренней решимостью. Похоже, это классическая история гадкого утенка, который уже готов стать лебедем, но еще не верит в свои крылья. Моя любимая стадия работы», – улыбнулась Кира.

Она пыталась вспомнить какие-то примечательные черты его внешности: среднего роста, волосы светло-русого, даже

пепельного оттенка, большие голубые глаза... Улыбка обнажала красивые ровные зубы и ямочки на щеках. Но отнюдь не это приковывало взгляд.

Первым, что бросилось Кире в глаза, – были его руки. Она любила красивые мужские руки и всегда обращала на них внимание. У Колина были тонкие изящные пальцы. Если бы она не знала, что он художник, подумала бы, что перед ней музыкант – непременно пианист. Кисть тонкая, больше похожа на женскую, что выделялось на фоне его атлетического телосложения.

«Да, интересный молодой человек, – подумала Кира. – Посмотрим, что из всей этой затеи выйдет».

Она написала своему хорошему другу Николаю: попросила его посмотреть картины Колина и дать свою честную оценку. В ответ получила: «Кириша, для тебя все, что угодно. Ты опять спасаешь очередного гения? Жду вас обоих с большим нетерпением!» И в свойственной ему манере Николай поставил несколько смайлов: сердечки, огонечки – каждое его сообщение сочилось экспрессией. Кира обожала Николая – своего близкого друга и человека, с которым чувствовала особую связь.

На следующее утро она написала Колину и сообщила о согласии Николая посмотреть его картины. Она попросила Колина отобрать две-три работы, которые он сам считает наиболее удачными.

Ответ Колина ее не удивил: «Хорошо, профессор. Благо-

дарю вас за помощь!»

«Пока не за что, Колин, – ответила Кира. – Кстати, у тебя есть деловой костюм? Дресс-код мероприятия предполагает деловой стиль».

«Нет...»

«Поняла. Завтра у меня запланирована встреча в издательстве, освобожусь к 18:00. Если ты не занят после, заеду за тобой. Я знаю отличный магазин, где есть все, что нам нужно для презентации у Николая».

«Я не занят, но мне неудобно вас отвлекать».

«Ни о чем не беспокойся! Я же сама решила ввязаться в эту авантюру. И не переживай о деньгах».

«Да, но я не могу так – без оплаты».

Колин писал и писал что-то еще. «Печатает...». Он стирал и писал заново, изо всех сил стараясь подобрать слова.

Кира, видя это, написала первой: «Колин, мир дает тебе возможность – просто возьми ее. И я понимаю, что вот так сразу это тяжело, поэтому предлагаю бартер: я тебе костюм, ты мне – одну из своих картин».

«Я согласен».

«Вот и славно! Завтра в 18:15 я за тобой заеду».

«Спасибо, Кира».

Кира поставила лайк и провела остаток дня, перечитывая отдельные фрагменты своей книги и внося финальные правки.

На следующий день, решив все вопросы в издательстве,

Кира заехала за Колином, и они отправились к ее знакомому портному, который держал свой бутик в Лондоне – они с Мишей всегда покупали костюмы только у него.

– Серж, здравствуй! – приветливо сказала профессор, переступив порог бутика.

– Кира, как я рад! – Серж расплылся в широкой улыбке и жестом пригласил гостей пройти в центр зала. – Чем могу быть полезен вам и вашему... – Серж на секунду запнулся, – спутнику? – Он с интересом посмотрел на Колина.

– Серж, для начала познакомься. Это Колин – начинающий художник и студент психологического факультета.

– Весьма рад с вами познакомиться, Колин! Люблю работать с художниками – они как никто понимают мою творческую натуру.

Колин широко улыбнулся, сбросив остатки напряжения.

– И я рад с вами познакомиться. Кира утверждает, что у вас лучшие костюмы в городе и я ей доверяю.

– О, вы меня покорили!

Кира улыбнулась и продолжила:

– Серж, через три дня закрытый показ Николая.

– Слышал, слышал, – закивал Серж.

– И мы с Колином в числе приглашенных, – продолжила Кира. – Нам нужен костюм в деловом стиле, чтобы Колин смотрелся элегантно. В общем, все как ты умеешь: нужно создать магию образа.

– О, Кира, благодарю вас! Все сделаем в лучшем виде! –

Серж карикатурно раскланялся, чем рассмешил посетителей, а потом внимательно осмотрел Колина со всех сторон. – Присаживайтесь на диван, сейчас моя помощница принесет вам чай, а я подберу то, что сделает Колина неотразимым!

– Спасибо, Серж.

Колин не мог оторвать от портного взгляд: он был невысокого роста, со спортивной фигурой, блестящими черными волосами, темно-кариими глазами и смуглой кожей. Казалось, есть в нем что-то от индуса. Ловкими и четкими движениями Серж перебирал костюмы на вешалках и подавал их помощнице.

Кира словно читала мысли Колина:

– Отец Сержа из Индии, приехал сюда много лет назад. Мать Кэтрин – англичанка, дочь известного портного. Они познакомились случайно и сразу влюбились друг в друга. Родители Кэтрин были против такого брака, но дочь была непреклонна. В итоге они смирились и благословили влюбленных. Отец Кэтрин научил всему ее новоиспеченного мужа и передал ему свой бизнес, а позже Кэтрин родила сына – Сержа, – который унаследовал не только семейное дело, но и талант своего деда. У него отличный вкус! Он не просто следит за модой, а сам задает тренды мужского гардероба и, что самое важное, хорошо чувствует человека, умеет создать нужный образ. Он один из лучших портных в городе.

– Профессор, его костюмы наверняка стоят очень дорого! – Колин нервно сжал кулаки.

– Баснословно! – Кира усмехнулась. – Как наверняка однажды будут стоять твои картины. У нас бартер, помнишь? Ни о чем не волнуйся.

Колин согласно кивнул.

– А давайте вы сами выберете себе картину – ту, что понравится вам больше всего?

– Звучит заманчиво!

– А вы посмотрите картины, которые я возьму к Николая?

– С удовольствием! Я заеду к тебе около 18:00. Удобно будет?

– Спрашиваете! – Колин воодушевился, а Кира улыбнулась.

В это время вернулся портной и пригласил Колина в примерочную. Кира не ошиблась: Серж удивительным образом считал деликатный характер Колина, который сочетался с его настойчивостью и напором, и подобрал костюм, гармонировавший не только с его внешностью, но и с характером.

После всех примерок и дефиле по залу, которые сопровождались шутками и смехом, Колин определился с костюмом, остановив свой выбор на глубоком синем, полуприталенном.

– Этот синий цвет – просто убийственная история, мистер Колин! Вы не останетесь незамеченным на приеме! – Серж шутливо понизил тон и почти по секрету добавил: – Я слышал, в этот раз Николая собирает весь бомонд – как-никак, его целый год не было в городе!

Колин почувствовал, как вспотели ладони: «Бомонд – и я... Это просто нелепо!»

Кира увидела замешательство в его глазах и тихонько шепнула ему:

– Николая ждет тебя. Это твой шанс. Воспользуешься им?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.